

Воронежско-Липецкая епархия

ЗАДОНСКИЙ ПЯЛЕЦНИК

11-12 (12-13) 2001 г. По благословению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Отзыв любовного человека, что делается в том или другом месте; озабочен узником, при помощи слова Вадриля, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окружающей среды, к посылкам или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

В ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ

Наизидие митрополита Воронежского
и Липецкого Мефодия

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Игорью и каину юбилей

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

Причины, почему должно право любить

В ТЕРПЕНИИ ЗЕМНЫХ СКОРБЕЙ

По материалам книги «Св. Тихон, как праведный»

ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Часть 6. «Исток народ для поклонения»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Из воспоминаний о схиархим. Виталии

ХРИСТИНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ

Из бесед с Кавказским пустынноиком
«Как сохранить душевный мир и личную
молитву в условиях современной суеты»

ЛЖЕИМЕННЫЙ "ПОВДВИГ" НА ПОВОДУ У ЛЖЕИМЕННОГО "РАЗУМА"

ГОСПОДЬ ПОРУГАЕМ НЕ БЫВАЕТ

Рассказывают паломники

ПО ПИСЬМАМ

«Обретение веры»

и многое другое...

Чтобы иметь живую веру, необходимо стремиться
к невесомому и не прилепаться сердцем к земному...

Кто в скорби ищет помощи не у Бога,
тот не имеет веры в Бога.

В ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ

Сегодня — праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Когда совсем еще юную Отроковицу привели в Иерусалимский храм родители, обещавшие посвятить Ее Богу, совершив дело спасения рода человеческого, набрал Отроковицу для того, чтобы Она стала Матерью Сына Божия и Бога Божия. С этого времени начинается великая миссия любви Бога к людям.

Что главное в этом празднике для нас? Самое главное заключается в духовном значении введения человека во храм.

Как повествует нам Священная история, Отроковица ушла от мира, суеты, многих искушений, которые были еще за пределами храма. Пришла в эту благоговейную тишину, еще не осваивая мысленно совершающегося, будучи ребенком, но уже способная чувствовать, где добро, где зло, и ощущать провознесение к Своему естеству благодати Божией. Святая Церковь говорит нам: вот поэтому детей и приносят в храм Божий в раннем возрасте, чтобы утвердиться. Они еще младенцы и разумом не понимают таинства, но естественным способом воспринимают провознесение благодати Божией. Они уже введены в ограду духовную и, живя в этом мире, страданом и греховном, могут придти в храм и, закрыв свою душу и сердце от суетности мира, приблизиться к миру духовному. А главное — приобщиться Святым Таинствам, благодати Божией, приблизиться к Богу Святому, который исцеляет, помогает и укрепляет каждого живущего и обращающегося к Богу за помощью.

И вы с нами были в таком возрасте, и нас привнеси когда-то в храм Божий. Но проходит время, вырастает дети, становятся возмужалыми и понимают разумом многие важнейшие события. Естественно, к этому времени, казалось бы, должно развиваться и чувство нашей души, и мы должны ясно чувствовать

Назначение митрополита
Воронежского и Липецкого
Мефодия.

Покровский кафедральный собор.
4 декабря 1998 г.

благодать Божию в своем сердце, когда приходим помолиться в храм Божий. А что происходит в жизни? В храм Божий большинство из нас приходит тогда, когда чувствуется на душе уже горечь, когда нет удачи, а один проблемы. Но согласитесь, братья и сестры, когда вы приходите к врачу, ведь он не говорит нам: вот вам лекарство, и через 15 минут вы будете здоровы. Вы узнаете от него, что у вас

заглушенная стадия болезни, вам надо в течение года принимать то-то и то-то, выдерживаться от этого, и только тогда будет рассматриваться вопрос о характере дальнейшего лечения. Ведь так?

Но мы забываем о болезни своей души. Мы приходим в храм, покупаем свечу, а у кого помочнее карман, тот покупает двадцать свечей, ставим на подсвечник, косяк перевертываем и все, и считаем, что свой долг исполнили. Это не общение с храмом, это не общение с Духом Божиим, который наполняет храм как дом молитвы, как особое место, где присутствует благодать Божия, где молитвы угольников Божиях. Разве таким образом можно исцелить свою душу? Почему мы не заботимся о своей душе так, как заботимся о своем теле? Почему не посвящаем этим заботам столько времени, сколько уделяем исцелению своей плоти?

Без общения с Богом, без духовной жизни человек неполноценен. А если человек неполноценен, может ли он в своих

делах земных полноценно выполнять свои функции, работать, например? Издавать указы или распоряжения полноценнее, направляемые на благо человека? Не может. А добросовестно лечить в больнице других, учить детей в школе так, как подобает? Не может. Поэтому сегодня в школе и учат несамостоятельной семи-посамостоятельной возраста, как планировать будущее семью, — вот чему учат неполноценные, ущербные личности. В одной нашей школе уже вводит такое обучение. Это же преступление! А являются эти личности ущербными потому, что лишены полноценного развития, или развивают только плоть свою — кормит, поит, утешает, ласкает ее. О душе забывают, так же как забывают о присутствии в своей природе благодати Божией и образа и подобия Божия. Вот откуда, братья и сестры, и надо начинать рассуждать, отсюда и получаем мы то, что, видимо, и должны получить.

Надо возвратиться на стезю покаяния, в ту ограду, куда мы пришли в юности или куда нас во младенчестве привнеси наши родители, в храм Божий. И он, как врачевница, будет лечить нас, лечить — и подкреплять это, образовывать, формировать нашу духовную природу, ибо мы растем телесно, но духовно находимся на уровне того младенческого возраста, когда нас крестили. И этот дисбаланс, это несоответствие между ростом тела и души и рождает уродец нравственных.

Многие, казалось бы, такие взрослые люди, в густоках, в белых рубашках, выглядят впечатляюще, но когда они рассуждают о том, что детям в семилетнем возрасте надо принимать навыки, как планировать семью, ивинить, это звучит, по крайней мере, аморально. И преступно по отношению к нашим детям. Вот вам пример этого дисбаланса и духовного уродства. Поэтому и говорит Святой Церковь нам: не забывайте, братья и сестры, что не единым хлебом жив человек. И я признаю вас к тому, чтобы мы помнили о благодати Божией и с Господом творили жизнь свою. Чтобы мы не утроблались тем аморальным типом, которые пытаются учить нас чему-то новому, до конца раз-

рушающему человеческую природу, находящуюся еще во младенчестве нашу духовную природу, наше духовное естество. Сегодняшней праздничной навигацией нам, всем живущим, о том, что начало спасения — когда Девы, Отроковицы, дитя еще, была введена во храм, и там Она произошла и к благодати Божией, и к пониманию любви Божией, ибо через небольшое время Она скажет Архангелу: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38). Смирению и кротко.

Храм Божий для нас — начало нашего спасения, исцеления духовной природы, восстановление баланса между нашей утилитарной плотью и немощным и неготовым духовным естеством. Когда будет этот баланс, тогда появится и гармонично развитая личность — человек, понимающий нравственное и безнравственное и неспособный совершить поступок или

дело, которые искали бы духовно-нравственную природу его и окружающих его людей.

И мы с вами, братья и сестры, должны, прежде всего, сами чувствовать свою духовную потребность и растить ее, укреплять, совершенствовать, дабы, по слову преподобного Серафима Саровского, помочь и другим, кто не имеет опыта в воспитании своего духовного начала. Помочь и им — в этом заключается наша миссия. Не только осуждать тех, кто учит детей в школе безобразно и безнравственно, уже с раннего возраста, но словом и делом помочь утвердиться в правоте и Истине, в высокой христианской нравственности. Без храма и без Церкви, а стало быть, без Бога невозможно это утверждение и совершенство, а значит, невозможно и совершенствование нашего общества. Невозможно. Ибо без

Бога, говорит народная мудрость, не до порога. Вы все об этом хорошо знаете. Поэтому в сегодняшней праздничной поминке усердно Богоматери, дабы Она утвердила в нашем сознании понимание тех проблем, которые нельзя решить без Христа, дабы Она преблагословенно утвердила в нашем сердце решение и желание почувствовать голод душевный, почувствовать его и прийти в храм Божий, чтобы в молитве ко Господу удовлетворить свою духовную потребность. И, наконец, чтобы Богоматерь даровала нам мудрость, и мы своим жизненным опытом, своим добрым словом, своим нравственным примером поможем многим согражданам, которые делают большие духовные ошибки, приводящие их и тех, кто идет за ними, в духовную пропасть, — дабы они не совершали их, а повернулись к свету, и все мы прославляли Господа милосердного. Аминь.

Жизненный путь

— *Ваше Преосвященство! Дорогой Владыка! Позвольте от имени священства и братии верного Вашего архиепархиального полевного монастыря и всех читателей «Задонского паломника» поздравить Вас с наступающим 60-летием. Какие эпизоды из своей жизни Вы считаете наиболее запоминающимися и поучительными?*

— Когда я поступил в Одесскую Духовную семинарию, то увидел там, как некоторые из братьев брали на себя различные подвиги. Одни старались вкушать пищу один раз в день, другие брали на себя определенные молитвенные подвиги, третьи клали деревянные штыги под матрацы, чтобы жестче было спать. Когда я в мыслях пожалел так же подниматься, спросил у о. Виталия: «Как мне быть: жить более такой «подвижнической» жизнью или простой семинарской?». А я уже три года не вкушал мясное (хотя в то время и не принял еще монашество), в семинар-

19 декабря, в день памяти святителя Николая, исполняется 60 лет со дня рождения епископа Задонского, викария Воронежско-Липецкой епархии, Никона (Васина). В связи с юбилеем мы обратились к владыке и попросили ответить на ряд вопросов.

кой же трапезной дают мясо. Старрец сказал: «Не нужно ничего, живи по семинарскому уставу: мясное вкушай как все, правила держи семинарского. А подвиги, что берут на себя некоторые братья — они, в конечном итоге, остаются». И вот я, наблюдая за их жизнью, увидел что те, которые один раз вкушали в день, потом стали просить добавки; те, кто не хотел нежиться на мягкой постели, стали просыпать и рваные службы, и правила утренние, и так далее... Вот это мне запомнилось на всю жизнь.

Когда я принял монашество (постриг мой совершал в Липецке в Христо-Рождественском храме Владыка Ювеналий, епископ Курский, сейчас он митрополит Курский и Рыльский), было особенное состояние не страха, а какое-то неземное. Когда меня вели на постриг, тиши-

на была гробовая, только слышен был плач матери. Я запомнил вот такой эпизод (я был как оглушенный и не воспринимал всех тех действий): шли бабушки

позади меня и пели «Объятия Отца...» И мне казалось, что как будто бы все это не на земле совершалось, а где-то в другом месте. После пострига, конечно, было состояние неземное, и служба, и новая одежда, а когда я совершал вечерние службы — в мангити идушь по храму, кадишь и как будто не идешь, а летишь, вот такое ощущение неземное, ощущение несомности.

Жизнь монаха — это труд и молитва. Первоначально — конечно, поклончивой. Так как на приходе храм свободен, я часто находился в нем и правило исполнял там, литургии служил, требы совершал, и, плюс ко всему еще восстанавливал: порушенное в храме. И затем како-то все пришло в систему делания, и я считал, что для монахов больше ничего не нужно. Вот, пожалуй, есть молитва, есть послу-

шание и есть служба. Это самое главное.

— Кого Вы считаете своими духовными наставниками и учителями?

— В то время мои духовными отцами были Глинские старцы — митрополит Зыновий Тегриваройский и схииеромандрит Виталий. Они за меня молились, и я считаю, что только по их молитвам у меня все получалось и я крепко стоял в искушениях. Я ничего себе сейчас не приписываю, и раньше не приписывал, так как почти все вопросы и недоумения и по службе, и по жизни, и по послушанию, в основном-то, решались вместе с ними. Они говорили мне: «Вот так и так нужно сделать». За каждым благословением я ездил к старцам, и они благословляли. Часто владыка Зыновий говорил: «Отец Никон, езжайте к отцу Виталию». И там, значит, мы все это решали...

За две недели до смерти отца Виталия я спросил у него: «Батюшка, а как же мне дальше жить? Вот владыка ушел от нас, потом и ты уйдешь. Как же мне жить и кем руководствоваться?» И он ответил: «Правшим архиереям». И действительно, после этого владыка Мефодий стал мне как духовный отец. Владыка говорил мне, не прикаяная, не благословляя — он со мной советовался. Говорит: «Как ты думаешь, если ты переедешь в Акатов женский монастырь в Воронеж...» Я говорю: «Владыка, как благословите». Потом там же, в Акатовом монастыре, он говорит: «А как ты считаешь, вот если мы тебя пошлем в Задонский мужской монастырь на восстановление...» Я говорю: «Как благословите, Владыка». «Ну вот, Бог благословит». Наша жизнь должна идти по послушанию, по благословению, и через благословение совершается у нас все нужное нам для спасения и не только у нас, но и у окружающих нас людей.

— Что значит для Вас прошедшие десять лет наместничества в Задонской обители?

— Десять лет прошли для меня как один день. Много было здесь

сделано, много пришлось здесь всяких неприятностей претерпеть, но и были большие радости.

Первоначально, когда еще здесь не было мощей святителя Тихона Задонского, тяжело приходилось. И службы тяжелые, и храм — Владимирский собор — еще не намоленный, и множество других не-

строений: некому было петь, не было насельников. Сначала помогали матушки, приехавшие со мной по благословению владыки Мефодия. Они были из монастырских — на клиросе пели, две готовили на кухне. Потом стали собираться братья. Первоначально собрались тринадцать человек (правда из них остались только двое: монах Феодосий и монах Лаврентий, остальные ушли).

Затем, когда по благословению владыки Мефодия в 1991 году были перенесены сюда мощи святителя Тихона Задонского, я почувствовал как какая-то сила появилась, которая стала мне помогать в восстановлении духовной жизни и в восстановлении тех зданий, которые здесь были под производственными и хозяйственными нуждами. А когда Промыслом Божиим началась в стране перестройка и производства стали сокращаться, упорядкиваться, отдали нам наши здания монастырские (конечно, в ужасном состоянии). Но у меня

была радость, как будто бы святитель Тихон вдохновлял меня на восстановление этого монастыря, чтобы опять здесь был монастырский дух, монастышеское пение, монастышеское правило, чтобы здесь опять совершалась постриги, потому что во время пострига сонм Ангелов и Архангелов наполняют храм. И это вот благодатное такое состояние при постриге, ощущение неба здесь на земле, как будто бы не мы совершаем постриг, а сами Ангелы Небесные (не знаю как другие, но я такое состояние переживал).

— Какие черты на Ваш взгляд характерны для жизни современного монашества, и чем оно отличается от монашества прежних времен? Что необходимо, равно как и недопустимо для новопачальных монахов и послушников?

— Конечно, современными монашествующими, особенно новопачальными, управлять не просто. Многие пришли в монастырь со сложившимися привычками, навыками, а может быть и со страстями, заимствованными из мирской жизни, которые они оставили, но которые влекут к себе, напминают о себе. Часто такие насельники внутренне желают опять жить прежней греховной жизнью. И вот бывает, что первоначальное ревностное монашествующих была молитва, определенное воздержание, а потом все ослабляется.

По опыту своей жизни, по опыту тех семинаристов и монашествующих, я стремлюсь как-то управлять и дать им направление в жизни не очень строгое, по слову святых отцов, которые говорят, что «если новопачальный начинает восходить на Небо, то за ноги стащите его оттуда». Правила достаточно того, что есть в монастыре. Главное здесь — не оставлять служб, не пропускать их, ходить на правило постоянно, нести послушание и трудиться ради любви к Богу. Не ради принуждения или ради куска хлеба, а ради любви к Богу. На все нужно иметь страх Божий. Знать, что все здесь монастырское, а зна-

чит – Божие, а не человеческое. И мы будем отвечать пред Богом за все: за каждую доску, которую мы испортили, гвоздь, который мы не подвинули, пройдя мимо, за продукты, пропавшие по нашему нерадению...

В этом направлении я старался их наставить, чтобы они бы знали, что в мире одни ценности, в монастыре – другие. В монастыре самая главная ценность – это возлюбить Бога и нести послушание ради любви к Богу, слушаться начальствующих монастыря. Поэтому, если мы возьмем для сравнения жизнь монашествующих древних времен, то, конечно, эта жизнь во многом отличается, потому что сейчас пропала решимость и желание ко спасению души у многих, не у всех, но у многих. Сегодня у одних – на святости, у других зашкленность на подвиге, третьи хотят прославиться, четвертые получить определенные звания и чины начальствующий и управлять – все это, вероятно, в крови у нас с самого рождения. И поэтому, когда мы читаем Добролюбие или Лествицу Иоанна Лествичника, или Аву Дороефа, или что-то другое, то все те примеры из этих писаний как-то не укладываются у нас в голове. Мы считаем, что не те времена сейчас, и следовать отцам тех времен, их жизни, их подвигу невыполнимо для нас, хотя мы и не стараемся это исполнить. Наша жизнь, этот вавилонско-советский плен, полностью изводил понятия в нашей жизни, что есть монашеский путь, и как настроиться и идти по нему, и что нужно иметь для себя, чтобы остаться на этом пути; кому следовать в своей жизни, за кем следовать, как следовать и так далее. Поэтому сейчас новое поколение верующих, новое поколение монашествующих, но они все равно, совершая определенный какой-то труд, хоть немножко, но подвигаются вперед, что-то делая для себя нужное, полезное, спасительное. И я, конечно, согласен с тем, что мы все-таки не стоим на месте, и, думаю, мы и назад не отходим, потому что при-

шли сюда, и сама одежда монашествующих подвигает нас к тому, чтобы сделать что-то доброе и полезное, нужное и для себя и для людей. И значит, если сравнить монашествующих настоящего времени с теми монашествующими древних времен, то сравнения никакого нет, но мы стараемся как-то подражать им, и хоть немножко в чем-то все-таки подражаем.

– Хотелось бы услышать Ваше архипастырское мнение о современной приходской жизни.

– Я на приходе жил четырнадцать лет, поэтому знаю, что такое приходская жизнь. Вся приходская жизнь состоит из службы людям. Если мы служим людям – мы служим Самому Господу, потому что Он сказал, что: все те окружающие

рушение закона – наказание). Сейчас этого закона нет, но все равно в нашей жизни вот такая инертность, ленивость, нежелание совершать церковные Таинства, в которых так нуждаются христиане: и в Причастии, и в Соборования и в других Таинствах. Но те священнослужители, которые ревностно относятся к своему служению не ради денег, не ради славы, понимают, что богатство у Бога и слава у Бога, и ради любви к Богу он пойдет и исполнит все нужное, о чем просят его прихожане. И в моей жизни было множество примеров, когда приезжали на требы за мной, у меня внутренне было сопротивление, что вот, мол, приехали и не сообщили заранее или приехали, когда служба идет, после службы опять нужно куда-то ехать, но внутренне ломая себя, понимая, что я сам выбрал такую жизнь, я собирался и ехал. Были моменты, когда в райисполкомеруководители говорили: «Да чтоб похоронить покойника через церковь или позвать священника, проблем никаких нет, а вот, чтобы оформить этого покойника документально – один только проблема». И действительно, я старался никому не создавать никаких проблем.

Так вот, каждый священник должен так служить Богу, чтобы люди, зная, что этот священник здесь служит всегда, находили бы его на месте, знали, что он никогда не откажет ни в чем ради любви к Богу, что этот священнослужитель – истинный христианин, истинный раб Божий.

– Что бы Вы хотели пожелать «Задонскому паломнику» и его читателям?

– Я, конечно бы, пожелал, чтобы через наш «Задонский паломник» отражался истинно-христианский жизненный путь, путь ко спасению чтобы были простые поучения в нем не только для монашествующих, но и для священнослужителей и простых мирян. Потому что богословские труды есть во множестве книг, но многие люди более ищут простых истины, кото-

нас христиане – это «малые сия» Божия (Мф. 10, 42). И на приходе мы часто извиняем себя по лености занятостью, тем, что заранее нас не предупредили, мнимой болезнью или другим чем, когда мы не можем, нам нельзя. Это еще было в советское время, когда были увольномоченные, был определенный закон о религии, по которому много чего нельзя было делать (за на-

рые бы они понимали и претворяли в своей жизни. Еще желал бы, чтобы наш коллектив, который выпускает «Задонский паломник», со всей ответственностью, ревностью, любовью отображал бы нашу жизнь и жизнь нашей обители, и молился бы за правящего архиепископа, который благословил выпуск нашего альманаха. И эта молитва, я думаю, поможет нам претерпеть все невзгоды, без которых не обойтись. «Скорбны будете», – сказал Господь всем нам, и без скорбей невозможно прожить на земле, в этой

юдоли плача, ни одного дня. Поэтому да поможет нам молитва пережить все те скорби, невзгоды, нестроения во славу Божию и во спасение всех желающих спастись.

– Владыко, если говорить о личном самочувствии, в свои годы, как бы сравнивая их с предшествующими годами, насколько Вы себя лучше или хуже чувствуете?

– Когда человек не женатый, не был женатым никогда, то он и в 60 лет чувствует себя юношей. Какая-

то чувствуется молодость. И когда меня называют дедушкой, я с удивлением смотрю на себя, неужели я уже дедушка? Но я скажу, что все дело в благодати Божией, как и в Писании сказано: «Сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9). Поэтому про то, что мы делаем, я или другие священнослужители – пастыри Христовы, мы не можем сказать: «Я сделал». Через нас совершается все Божией благодатью, Его силой, Его Промыслом. А все трудности даются для того, чтобы мы не возгордились.

1. Враг наш истинный один есть дьявол, который и людей мучает, чтобы нас гнать, и так во большей части он причиною есть озлобления нашего, а не люди; он нас чрез людей гонит и озлобляет, и его надобно ненавидеть, а людьми сопереживать, что его случают.

2. Враги гонят нас поносят нас не без пощущения Божия, и суть аки вич, им же Бог наказывает нас, якоже и в Давиде святом история рассказывает.

3. Враги гонящие и злоязычные, и поносящие нас более делают добра, нежели зла: ибо хотя тело и озлобляют, но душу помилу приносят. Тако же смиряют нас, гордость и тщеславие, и самовольные наше изглажат, приводят нас к познанию себя и немощи нашей.

4. Тако грехи наши очищают ся, когда с благодарением терпим гонение от них (врагов).

5. Часто вываляет, что сатана, сам собою не могучи искусит человека, чрез людей покушается искушать и отвещати от терпения и любви Христовой, как читаем в святых книгах, и знак есть христианства подвизающегося и в благодати Божией находящегося.

6. Враги нас приводят к терпению, а этой добродетели без бед научиться не можно, и делает искушаемыми в знании хри-

Нисвадно безтитува Тихона Задонского

Причины, для чего должно врагов любить

тианском: они скорби делают, а скорби, по Апостолу, терпение делают.

7. Любовь ко врагом делает дерзновенне в молитве: оставиши дом твой, якоже и мы оставляем должки наши.

8. Спокойнейшая совесть наша вываляет, когда не мстим врагам, но паче благодетельствуем; нико мстити зло есть, и закону Божию противно. Итак, когда мстим, тогда грешим, и совесть нашу раздражаем, от чего вываляет безпокойствие и совесть.

9. Как огонь не гасится, так гнев гневаем не побеждается, но паче разжигается; а кротостно часто и самые свирепые враги преклоняются, умиляются и примиряются.

10. Христос сын Божий, Извяситель, Спаситель наш, Который душу Свою за нас положил, хочет и не мстит мстити врагов наших: *може ли враги ваши* (Матф. 5, 45). Убо, кто любит Христа, тот будет делать, что Любимый хочет.

11. Сам Он на Себе сие показал, когда нас, врагов Своих, так возлюбил, что и душу Свою за нас положил.

12. Свойство христианской души есть – любовь врагов: *благодетельно пожедать. Аще же, рече Христос, любящая вы любите, как вам благодать есть? нико и язычници тожде творят* (Матф. 5, 47).

13. Безе довердетельно Богу Отцу невесному подобиам, Который солнцем Своим сияет на земли и облаги, и дождит на преледия и на несправедлиа, Который злость нашу благодетельно пожедает, и терпит нас.

14. Ощещание немилде за любовь ко врагам – выть сыном Божиим: *яко да будете сынове Отца вашего*. Аще вы монарх земной ошещал тех ты присногити себе в сына, все вы ты исполнили с охотою, что вы он тебе ни полюбил. Христос сын Божий ошещает тех сыном Божиим сделать за любовь ко врагом, и как тебе не любить их?

15. Высочайшая добродетель сия есть; тако бо человек самого себе пожедает, над самим собою торжествует. Так духом самрения гордость помирает, благодетельна и кротость злоцу гонит; так дух злоцы подневесной со всем своим злошам полчищем помирается. *О сем радость вываляет на нехес пред Ангелы Божиими, на сие Христос сын Божий благодетельно с нехесм взирает, и на пожедающего прекраснейшим испосылает венец.*

«Враг наш истинный один есть диавол, — говорит св. Тихон, — который в людей научает, чтобы нас спасти, и так по большей части он причиною всех злодеяний наших, а не злоба, он нас чрез доброту своих и озабочивает».

Свт. Тихон Задонский

Те же мало христианской душе св. Тихона в ее неуклонном шествии к Царству Небесному пришлось претерпеть нападений и преследований и со стороны этой «темной области». Как на кафедре Воронежской, так и в монастыре Задонском, святитель во многих случаях своей христианской жизни не понимал был в своих святых желаниях, начинаниях и действиях окружающих его лицами. Часто, замечает жизнеописатель, св. Тихон должен был терпеть злоречие и осуждение за свою благочестивую ревность.

Печальными выступают отношения к пребывавшему на покое святителю настоятеля и непосредственного начальника Задонского монастыря — игумена Самуила 1-го. «Выезжая в гости в благородные дома, по словам очевидца, начальник монастыря, подмешивая, сказывал о святительской особе: он-де в монастыре хуже монаха живет у меня». И эти слухи доходили до святителя. Слово власти «нетерпеливый, самолюбивый и востылый» монах-настоятель отрывает однажды от работы у св. Тихона одного из послушников своего монастыря, понадобившегося ему, когда этот послушник завмалел у святителя перепискою его сочинений и доказывал уже свою работу, и отрывает, несмотря на заявление святителя, что он тотчас отпустит послушника, лишь он напишет несколько строк. Впервые злобного гнева настоятель наносит даже пощечину любвеобильному и смиренному святителю... Недостойное, недоброжелательное отношение настоятеля к св. Тихону не прекращается и в предсмертные часы жизни святителя на земле. Угодник Божий, за три дня предуглавший свою кончину, просит своего келейника, и те три дня, а особенно при разлучении его души от тела, не versuchen к его одру никого. Но вот слово той же начальнической власти настоятель врывается в келию умирающего святителя, садится «подле ограбленного», своим недостойным этих важных минут жизни святителя вопросом: «не будет ли какого приказа-ния?» нарушает высокое богомыслие

В ТЕРПЕНИИ ЗВЯЗНЫХ СКОРЕБИ

По материалам книги
*«Св. Тихон Задонский, как
правочитель»,
Т. Д. Попов, Воронеж,
1912 г.»*

созерцающего горный мир подножника, и спешит от него просьбу «не беспокоить его» и, обращаясь к подчиненному ему келейнику святителя, властительно «строгим» приказывает «непрерывно при самой кончине преосвященного учинить» ему (т. е. игумену) «доклад».

Отношения к подвизающемуся святителю начальника монастыря оказывали свое влияние и на отношение к святителю братий монастыря. В жизнеописаниях св. Тихона мы встречаемся и с такого рода замечаниями, как, например: «в церкви не было молитвы святителя, или некому было обдаться его, тогда св. Тихон наделал на себя священническую рясу и, стоя на орледе, принимал св. тайны», замечание, проливающее яркий свет на отношение к святителю нижней братии. Или еще случай: 12-го августа вечером 1783 г., накануне дня смерти, св. Тихон просит, чтобы очередной иеромонах раннее обыкновенного времени отслужил литургию и пришел к нему с Св. Чашию. Утром 13-го, по

словам келейника, святитель «спрашивал о служении литургии, посылал к черемному иеромонаху... но службою припопоздали», и последнее святое желание св. Тихона монашескообразно не было, таким образом, исполнено. Келейник при этом рассказе прибавляет такую присорбную для оценки нравственного достоинства окружающих современников святителя фразу: «как он преосвященный есть им власть, то и всегда медленно было по его просьбе».

И от присутия монастырской службы не мало терпеть святителю, говорил другой очевидец. Пред святителем, по словам его келейника, были и «досягающие ему монахи». До какой степени унижения святительского достоинства доходило иногда это «досягающее», показывает следующий факт: св. Тихон, прохаживаясь после обеда по монастырю, шел раз мимо братской трапезы, где штатные служители рубили дрова. Едва святитель прошел их, как служители, поднявши полено, стали им бросать вслед за ним, провозисмо поносные слова: «вои наш ханюка, ходит по монастырю, все ханюка!»

Душе нашего иривоучителя посылаемы были и такого рода испытания, когда за ним, провозисмо доброе тогач же отличалось явным злом. В 1764 г. св. Тихон, случайно, по делам службы проезжал село Хлевное, село подлевашее его епископскому владению. Здесь потребовалась для архирейского поезда перемена лошадей; святитель обращается с этой своей просьбою к выборным властям и старикам села, и что же он, любвеобильный пастырь, слышит от заботливо охраняемой им паствы? «Нет лошадей, ты ведь не губернатор наш, чтоб скоро собрать лошадей, ты-де пастырь над погами, да дыками!... Один же капитал, в течение целого почти года находивший себе у св. Тихона привот, стол, заботу и попечение, по прошествии этого года (1775–76 г.) шлет к благодетелям святителя от его имени фальшивое письмо о том, что святитель якобы по недостатку епископсина нуждается в «оспоможении», подделывает подпись святителя, и с этим письмом, развязывая по многим помещикам и купцам, собирает для себя довольно количество сумма.

Была, по словам очевидцев, случай, когда святитель сам своими руками раздавал деньги нищим, а эти са-

мые иные поднимали ропот и начинали бранить своего милостынодавца в глаза и именовать его «весьма негостеприимным словом». Искренняя пастырская любовь и христианская нравоучительская ревность святителя вознаграждались даже почетом, как, например, был случай в семействе одного поклонника модных философских идей XVIII века, во время разговора последнего со святителем.

По словам келейника, святителю «случалась, помеха его мыслями и от явных «вражеских козней». При писании сочинений, в моменты глубокого христианского созерцания, среди ночной монастырской тишины «наверху кельи вдруг слышится, — говорит келейник, — топтание и бегание, и прыганье, по подобию человеческих ног». Святитель просит живущих при нем войти под кровлю, осмотреть то место и узнать: «нет ли там каких-либо животных?» Келейные осматривают и докладывают: «нет ничего». «Или, днем, — говорит келейник, — иногда в печи той кельи, в которой святитель писалвал сочинения, вдруг послышится метель или ворочание черновых его бумаг, которые он обыкновенно раздирал и в ту печь метал... — осмотри запертую затворкою печь — никакого гада не оказывалось».

Каким нравственным гнетом все это воздействие злого мира доводило на христианина чувствительную добрую душу нравоучителя, об этом свидетельствуют многие выражения святителя и замечания его келейников, сохранившие нам некоторые довольно ясные следы внутренних душевных движений, переживших личность в минуты нападения злого мира. Мы уже знакомы с фактом «скуки» и «уныния» св. Тихона в первый год его пребывания в Задонске; знаем чувство, вылитое им в слова: «не знаю, куда себя девать»; слышали просьбу, обращенную святителем в предсмертные часы к игумену Самуилу, «чтобы он не беспокоил его». Привяжи следующие.

Келейник передает, что на устах великого христианского подвижника в часы «досаждения», делаемых ему братией монастыря, бывали и такие слова, выражающие его душевнотравление, как слова: «Ну долго ли мне обидеть их? да не только их, (т. е., низшую братию), но и начальнику в скоро бы отмыслил... Вышеприведенный факт отношения к святителю послушников-

дроворубов имел своим последствием столь сильную степень нарушения душевного мира святителя, что в деле восстановления этого мира для святителя потребовались и были необходимыми даже личное присутствие его друга, схимонаха Митрофана, и слова нравственной поддержки со стороны последнего. Просвященный, передает жизнеописатель, возвратясь в ке-

ливно, сказал келейнику: «Поди, позови мне сюда о. Митрофана». Привяжи его, владыка со скорбью сказал: «Отец Митрофан! скажи в тебе новую историю про мое убожество... (следует известия нам рассказ факта)... Каково же от этих-то людей терпеть озлобление!» Схимонах же Митрофан с печальным взором отвечивал: «Это, владыка, вам хорошо, что делают вам озлобление: ате кого человека укоряют и поносят, того Бог превозносит и прославит на небеси и на земли». Святитель сказал: «Благодарю тебя, о. Митрофан, что ты скорбь мою отогнал; зная Господь тебя вразумит...»

Христианскому любвеобильному сердцу святителя, по словам келейника, со слов самого святителя, приключилось «иногда» переживать даже и такие минуты, когда «он ощущал в себе отвращение от всех... И «искушение сие, — добавляет келейник, — нередко чувствовал» подвижник. От «вражеских козней» святителю случалась немалая «помеха» спокойному, ровному течению его святых «мыслей» и чувств: «нападал ужас», — говорит келейник, — и эти «козни не малое время беспокоили его»...

Говоря о значении искушений или испытаний для души христианина, св. Тихон в одном своем «рассуждении об

искушении» дает в числе многих замечаний и такое замечание, предполагающее в авторе глубокое опытное христианское знакомство с тончайшим состоянием души искушаемого или испытываемого, это слова: «Во искушении показывает Бог нас нам самим, что мы есть из себя, и к чему склонность имеем, к добру или злу; как мудрствуем, плотски или духовно; что в сердце нашем крестис, любовь Божия или любовь мира сего». Приложим смысл этой несомненной психологической и христианской истины к искушениям, бывшим в духовной жизни исследуемой нами личности, и посмотрим на нее с этой именно стороны.

Борьба с пожеланиями плоти, «влекущими» святителя «шаки на епархию» и внимательными призывами архиепископа Гавриила, имеет следующую историю. По прошествии года, лежа на диване, обдумывал св. Тихон свою жизнь и скучное пребывание (в новом положении уединенного подвижника Задонского монастыря), до бесконечности бесполезно, борясь с влекущими его на епархию мыслями, так что «чрезмерным весь облит потом, встал вдруг с дивана и возогнул громким голосом так: «Господи! хоть умру, но не пойду». От того часа не столько уже стали бесполезны его такие мысли; в спокойствии духа стал он препровождать жизнь своею, духовного радости всякий день наповоем.

Унывающий в часы испытаний дух святителя вымывался всегда в слова псалмопевца: «Благо мне, яко смирил мя еси». Этот псалом, по рассказу очевидца, св. Тихон пел всегда, «когда в мрачных был мыслях». Сознания свою «чрезмерную горячность» в обращении с приближенными, святитель просит и молит Бога посылить его какой-либо болезнью, «да тако удобнее мог бы он смиреноумудриво и кротости обучить-ся». Со святителем делается удивленье, выразившийся в ослаблении действия левой ноги и сотрясении левой руки, и святитель видит в этом случае «знамение» посещения Божия и «благодарит Бога за такое отеческое посещение». «Видит он, — передает с его слов келейник, — в сонном видении, что входит в церковь; навстречу к нему идет священник из алтаря широкими дверьми и на руках несет младенца, покрытого тонкою кисеею. Святитель подходит к младенцу, лежащему на руках священника, и спрашивает его, как его

звать? священник отвечает: «Василий» (греч. Царь). Отложив с лица покрывало, святитель целует младенца в правую щеку, младенец же правой рукой ударяет его по левой щеке и так сильно, что от удара того святитель просыпается... От того времени, — добавляет келейник, — св. Тихон начал кротости и глубочайшему приобретаться смиренному друию, и так привыкнув последнему келейнику из простых и грубых музиков, повару, если увидит его оскорбленным на него, кланялся об руку, испрашивая прощения».

Доходившие до слуха святителя прискорбные для его любвеобильного сердца известия о неслуженном его высококравственной христианской личностью отзыве клеветников, грубым, дерзком обращении с ним начальника, братии и прислуги монастыря, недостойные отношения к нему христианские обиды одеждетывованных им лиц — все эти и т. п., факты находили для себя в сердце святителя, после минувших естественных, впрочем, для его человеческой природы раздражений и волнений, всегда ожививший — христианский исход, в отношении к себе выражаемый словами: «Я же и достоин сего за грехи мои, но еще и мало сего»; в отношении к Промыслителю — «Богу так угодно»; в отношении к оскорбленным — «любите враги ваша, благословите кланяющиеся вам, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творивших вам напасть, и изгоняющих вы»; в отношении же к самим действиям общего виновника зла — диавола: «враги нас приводят к терпению, которому без бед научиться не можно, и делают искусными в званьи христианском: они скорби делают, а скорби, по аPOSTОЛУ, терпение соделывает». Выражения эти были искренними, слово и дело св. Тихона были неразлучны друг от друга, он совершенно чист был от того, что принято называть двуличностью и лицемерием. Тоже подтверждают и передаваемые келейником факты личной жизни святителя. «Доходили иногда до просвещенного (брынные) слова начальника монастыря... а он бывало только и скажет мне: возьми сахару голову, отнеси начальнику, или виноградного вина болюнок или иного чего-нибудь... у него, может быть, и нет сего». Досаждавшие святителю монахи иногда заболели, и св. Тихон, по словам очевид-

ца, раза по два и по три всякий день посещал их, утешал и ободрял своими благоразумными и душеполезными советами, съезжал пищу и питье. «Богу так угодно, что и слушатели смеются надо мною... не хочу никому мстить: прошение лучше мщения... Господь сказал нам: «любите враги ваша», — говорил святитель. Этой последней фразой и в минуты сильного нарушения его душевного равновесия в знакомом нам случае заключивая с ним дроворубов заканчивается сложная психическая борьба подвижника. Оскорбленным его служителям, по замечание очевидцев, святитель часто помогал хлебом, деньгами и проч. На пошевых настоятеля и помещика-либерала святитель отвечает действием, полным истинных христианских добродетелей, кротости, смирения, благоразумия, самоотвержения и любовью во главе; он повергается к ногам заступающих его и просит у них прощения. Случай грубого обращения хлевенских крестьян, прodelки неблагоприятного и обидоделетственного капитана и т.

п. «многие скорбные приключения», покрытые истинным чувством христианского воспрощения, не только преданы в св. Тихоне полнейшему забвению, но и покрыты еще чувстватами веры в Промыслителя и любовью к врагам.

Когда село Хлевное за оказанное «непочтание и оскорбление пастыря» постиг гнев суда Божия — «ни у кого не стали стоять лошади, и у всех хорошие лошади падали, и старшины села, чрез 16 лет сознавшие свою вину, явились к обыкновенному им пресвященному, теперь уже Задонскому подвижнику, просить прощение; то, по словам келейника, просвещен-

ный, «вспомнив подробно о тех приключениях скорбных», ответил: «Про-клинаю их: я же не проклинаю... — призывает их Бог». Капитану святитель не только «простил» и «терпеливо все оного снес», но пишет еще письмо, в котором изливает свою истинно христианскую пастырскую заботу о спасении души виновного капитана: «Полю, — пишет святитель, — уже вить веревку, но пора прервать, полно уже обременять себя, но пора, свергать бремя; полно уже запутываться в сеть, но пора уже освободиться; полно очертясь, но пора очиниться. Бог во всем поминши: ты только восстань, и Бог подымет тебя... Пора, пора, — о пора!», и т. д.

Глубочайшая моральная истина из области христианского ведения человеческой жизни: «не человека гони, но злобу и вражду в человеке, как диавольское изобретение, истребляй старайся; а о самом человеке... сожалея и соболезнуй... возлюби искреннего твоего, яко же себя самого» — есть, таким образом, не слово только, а и жизнь нашего нравоучителя, не результат теоретического знакомства только, а и практически опытное знание нравоучителем христианской благодатной жизни.

Итак, мы должны сделать такое общее замечание о значении искушений для святителя. Скажем его же словами: «Все искушения попушением Божиим» были «для добра, нежели зла... тело и озлобляли, но душе пользу делали»; св. Тихон же со своим христианским сокровищем от всех направляемых на него зловетных стрел «темной области» и от соприсосновения его с этой областью оставался неповрежденным. Образ выражения святителя: «птица, чем выше летает, тем безопасней бывает от преследующего врага», вполне приложимо к духовной жизни святителя. Так что все бывшие искушения, волею Промыслителя, способствовали развитию, усовершенствованию, укреплению и откровению в нем того нравственного благодатно-христианского сокровища, значок и величие которого крылись в самой глубине и основаннейшей жизни личности святителя. Искусшения дали повод во всей ясности обнаруживать в нем, а нам узнать, что в сердце крылась, именно «любовь Божия», что мудрствовал он именно «духовно» и склонность имел именно «к добру».

История Задонского Богородицкого мужского монастыря

Часть 6

И потек народ для поклонения

Кончателно наименование «Задонский» закрепилось за бывшим Тепловским Богородицким монастырем с 1779 года, когда населенный пункт за его стенами велено было указать Екатерине II именовать впредь городом Задонском.

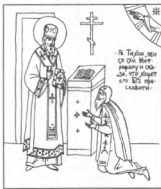
В тот год управлял Богородицким монастырем игумен Самуил I, с некоторым перерывом окормлявший задонскую братию с 1776 по 1787 год. Предшествовали ему на этом поприще трое настоятелей. Первый – архимандрит Нифонт, сменивший игумена Зосиму в 1767 году и скончавшийся 12 мая 1774. Окончил свои дни архимандрит Нифонт схимником, под именем Николай. Затем настоятельством в Богородицкой обители архимандрит Феодосий, прежде бывший за штатом. В 1776 году он сдал дела игумену Самуилу, 3 февраля приступившему к обязанностям настоятеля. Впрочем, уже в конце 1777 года вместо отца Самуила назначают игумена Венедикта, Новый Богородицкий настоятель, видимо, имел возраст весьма почтенный и был слаб здоровьем, а потому уже 22 июня 1778 года его прошение об увольнении на покой с пенсией было удовлетворено. Освободившееся место, на этот раз вплоть до 1787 года, вновь занял игумен Самуил.

Упомянутую выше группу настоятелей объединяет то, что именно в годы их управления пребывал в Богородицком монастыре святи- тель Тихон Задонский. И именно от трех из них суждено было пре- терпеть ему те самые, так досажда- щие епископу на покое, клеветы и на- веты.

В бытность у кормицки обители ар- химандрита Нифонта как раз и было направлено в Синод письмо с вопро- сом о том, можно ли дозволить епи- скопу Тихону совершать богослуже- ния. Синод признал вопрос неустой- чим и настоятельно рекомендовал обеспечить отставного архидиакона всем

необходимым для служения. Тем не менее, несмотря на прямое указание Св. Синода, должных условий для совершения св. Тихоном литургии со- здано не было. Известно, что порой в алтаре не оказывалось даже архиерей- ской мантии и, принимая причастие, святи- тель вынужден был облачаться в священническую ризу.

Сменивший Нифонта Феодосий, по мнению некоторых биографов св. Тихона, был назначен в Богородиц- кий монастырь епископом Воронеж- ским Тихоном II, весьма недруже- ственно настроившим по отношению к предшественнику, именно потому, что также как и правивший архиерей не питал добрых чувств к святи- телю.

«Я Тихон, нех- ся оти. Мит- рами и од- жа, что быст- ето быт пр- салити».

Во время пребывания на Воронеж- ской кафедре святи- тель Тихон отстраи- вал архимандрита Феодосия «за не- рачение» от должностей управителя Острожского духовного правления и настоятеля Дивногорского мона- стыря, являлся «за штат».

Естественно, как замечает Т. Д. Попов, отношения между оставшим кафедру архиереем и некогда на- казанным им архимандритом во вре-

мя совместного пребывания их в Бо- городицком монастыре нельзя было назвать дружескими.

Но всех превзошел Самуил – лю- битель горячительных напитков и светского общества. Сей монастыр- ский управитель не только публично неслестно отзывался о праведнике, но и дерзнул поднять на него руку. В часы кончины святителя, когда вся братия бодрствовала и стояла в келье умирающего, игумен Самуил спокой- но спал в своей келье.

О состоянии Задонского Богоро- дицкого монастыря в последние годы управления игумена Самуила извест- но следующее: «Монастырь муже- ский третьего класса, в котором церковь, колокольня, ограда и не- сколько келлей каменные, но бол- шую часть обветшалая; а при мана- стыре игумен I и 11 монахов. Здание в монастыре посредственно, стро- ено в разныя времена настояте- лями от экономии и от подая- нии». Характеристика эта взята из посвященного Задонску раздела «Описания Воронежского намест- ничества 1785 года» (далее – «Опи- сание Задонска 1785 года»).

Заквершилось настоятельство о. Самуила в Задонске переводом его в Троицкий Елецкий монастырь в конце 1787 года. Но спустя девять лет, когда уже стекались паломни- ки к гробу святителя Тихона, ему довелось вернуться. В 1796 году игумен Самуил был отправлен на покой с пенсией в 75 рублей асси- гнованиями и переведен в Задонский монастырь, где и скончался в том же году. Возможно, в этом читается высшая воля – духовно слепому при жизни, ему было дано перед кончиной узреть, сколь ошибался он в своем пренебрежении к жившему рядом человеку Божию.

Сменивший игумена Самуила игу- мен Климент из Елецкого Троицкого монастыря управлял Задонской оби- телью до 1789 года. При нем была предпринята попытка укрепить, капи- тально отремонтировать, старые ке- лли, давшие кров святителю Тихону в годы его пребывания здесь. Камен-

ная их часть, постройки 1740-х годов, была не новой и при святителе Тихоне, а деревянная, устроенная заботой помещика Бехтеева ради удобства чтимого им архиерея на покое, с тех пор также изрядно обветшала. Ведь специальной заботы о сохранении келий, в которых прожил около 13 лет и где окончил дни своей земной жизни святитель Тихон, проявлено не было. Возможно, это объясняется тем, что игумен Самуил, управлявший обителью почти до 1788 года, был в неприязненных отношениях с усобищным праведником, а потому и не считал необходимым принимать какие-либо меры для сохранения памяти о св. Тихоне.

Хотя повод для особого попечения об этом святом и памятном месте был, ибо уже в первые годы после смерти св. Тихона в народе стало формироваться неофициальное, но весьма массовое почитание бывшего епископа Воронежского как святого. А тут еще, по преданию, спустя три года после кончины святителя, его ближайший друг — схимонах Митрофан — сообщил как-то съехавшимся в Задонск, чтобы поклониться гробу праведника, о явлении ему во сне покойного архиерея. Представ в свидении перед собеседником своим и соотавником, которому не раз повядал при жизни самое современное, св. Тихон сообщил следующее: «Техи Митрофан, хочет меня Всемогущий Бог прославить». Видение это было как бы ответом на безмолвный вопрос сотен Богомольцев, оставшихся без окормлявшего их человека Божьего, к месту упокоения которого они продолжали идти с тайной надеждой, что Господь сподобит опочившего праведника быть рядом с Ним, в соиме святых и блаженных. А значит — не напрасна их молитва и их упование.

Многие вспомнили тогда же, как еще при жизни святителя другой близкий к нему человек — елчанин Кузьма Игнатьевич Студеникин, рассказывал о том, как армявизит Варсануфий II слышал глас о «немком угольнике Божием», которому суждено было прославить Задонский монастырь. При этом Студеникин указывал на пребывание в Задонске святителя Тихона как на подтверждение этого «гласа». Те же, кто присутствовал при погребении тела св. Тихона

не могли не обратить внимания и на достаточно красноречивую оговорку епископа Воронежского Тихона III, весьма чтившего умершего предшественника и назвавшего его в надгробном слове «святым мужем».

Как вспоминал один из свидетелей тех лет, сподобившийся лично поговорить со схимонахом Митрофаном: «С того времени потек от всех мест народ для поклонения и начали служить панихиды при гробе святителя».

Но в результате небрежения настоятеля, в то время, когда память о свя-

тителе «в духе» возрастала, материальных свидетельств его пребывания в Задонском монастыре оставалось все меньше. Предметы, окружавшие святителя при жизни, оказались вынесены за пределы монастырских стен его почитателями, а домик его, как сказано о том выше, постепенно приходил в негодность. В результате к 1789 году состояние бывших келий св. Тихона оказалось плачевным.

В то время, из-за отсутствия должных помещений во вновь устроенном городе, казенные службы квартир-ровали в монастырских зданиях. И когда зашла речь об устройстве «народного училища», то для этих целей решено было использовать бывшие святительские кельи. Но, как сообщает иеромонах Геронтий, кельи «во осмотре оказались для сего неудобными, ибо требовали большой поправки». По результатам осмотра келий гражданским начальством «игумен Климент с братиею» направили в Воронеж рапорт, испрашивая помощи в ремонте обветшавших строений от

епархиального начальства. Но на предложение последовала весьма равнодушная резолюция от имени преосвященного Иннокентия, епископа Воронежского и Задонского: «Игушай кельи перестраивает игумен». Должных средств в монастырской казне не нашлось, и кельи продолжали приходить в негодность.

Несколькоми годами позже столь же явное, если не большее пренебрежение со стороны епархиального начальства было проявлено и по отношению к келье друга св. Тихона, схимонаха Митрофана, скончавшегося 27 февраля 1793 года.

О. Митрофан, еще при жизни ископавший в келье небольшой погребок-пещерку, часто удалялся туда для уединенной молитвы. Там же заведя похоронить свое тело. Завешание одного из наиболее уважаемых старцев обители было исполнено. Но спустя некоторое время из Воронежской духовной консистории последовал лаконичный и жесткий указ насчет последнего приюта схимонаха Митрофана: «Келью его разобрать, употребив на топливные печи». Столь странная, на первый взгляд, забота руководства Воронежской епархии о судьбе высвободившихся бревен объясняется просто — уверенность в святости покойного епископа Тихона распространилась и на его друга. Вот и рекомендовано было устранить возможный объект нерегламентированного культа так сказать с корнем, чтоб и следов не осталось. Это подтверждает и иеромонах Геронтий в своем «Описании...»: «Разпорение последовало, как говорит местное предание, по причине решительного народного убеждения в негодности Митрофана тела и особенного благоговения к его подвижнической могиле. По всей вероятности, это было сделано вследствие неблагоприятных взглядов на современную жизнь любимого святителя Тихоном Подьявичем». Случилось это уже при архимандрите Тимофее.

А настоятельство о. Климента в Задонске завершилось осенью 1789 года. Отправленный на покой, он остался в подлюбившейся обители, где и скончался 2 марта 1797 года.

ОБ ОТНОШЕНИИ К БЛИЗКОМУ

Старец Силуан Афонский, явлением ему Христа, был научен переживать богородобию человека. Людей вообще он воспринимал, как чада Божиих, как носителей Духа Святого, Дух Святый, как Дух и Свет Истины, в какой-то мере живет в каждом и просвещает каждого человека, и тот, кто пребывает в благодати, тот и в другом видит ее, а кто не чув-

ствует в себе благодати, тот и в других не видит ее, Он говорил, что по тому, как воспринимает человек ближнего своего, можно судить о мере благодати, которую он носит в себе: «если человек в брате своем видит присутствие Духа Святого, то это значит, что и сам он имеет большую благодать, а если кто ненавидит брата своего, то это значит, что сам он одержим злым духом».

Душеполезное чтение

Это последнее для Старца было совершенно несомненным; он определенно со знавала, что всякий человек, кто бы он ни был, возненавидевший брата, сердце свое сделал жилищем злого духа и тем отлучился от Христа.

По книге *Старец Силуан Афонский*, Москва, 1996.

ения обидел брат! Зачем и негодую и рошшу, гневаюсь и ищу всякого повода отомстить обидевшему меня. Даже если, как мне кажется, я прав больше, чем он, это произошло не без воли Создателя нас, но Его Всеблагому промыслу. Если брат поступает со мною несправедливо, то и на это есть причины. Может такой поступок брата обличает меня в несовершенство, чтобы я не гордился, что я чего-то достиг, в чем-то преуспел (если не преуспел в любви к Богу и к людям, то я не преуспел ни в чем — 1 Кор. 13 ст.)? Такой поступок обнажает мои страсти, которые притихли во мне. Значит, смотри, душе моя, не на брата, а на свои страсти и недостатки, это они тебя искушают, приносят скорби, причиняют страдания (Иак. 1, 13-14). Познавай свои страсти и борись с ними, и побеждай. Ибо только через борьбу в искушениях, усовещаясь, мы «принимем венца жизни, егоже обеща Бог любящим Его!» (Иак. 1, 12). Смиряться я должен своим несовершенством и использовать это свое падение, как побуждение к сокрушению и покаянию. Из тесного, узкого сердцу сердца выходит самые истинные, искренние вздохи сокрушения и покаяния.

Надо стараться простить брата и не держать на него никакой злобы. Но как это бывает трудно! Какая здесь борьба!... Смирись, душе моя,

Познавай свои страсти...

(как преодолеть обиду)

привлечь колени для смиренной молитвы за брата: «Господи, не вмени ему это во грех; Господи, спаси и помилуй этого брата и его святыми молитвами и меня грешного», и в молитве к Богу испроси помощи и заступления. Может, Господь попустил несправедливость, чтобы я научился просить, прощать до полного забвения привычного мне зла. А что это несправедливость по отношению ко мне, это неверно, я больше сотворил зла и заслуживаю большего наказания!

Меня обидел брат! не по причине ли какого-либо греха против этого человека или против кого-либо другого, совершенного, может быть, даже и очень давно? Укори еще себя, душе моя, ты много забыла своих беззаконий и неправд. Пройти мимо годового — не накормить Господа, забыть о большем — не посетить Господа в больнице... (Мат. 25, 41-46). А сколько я осуждал и укорял моих ближних, оскорблял и клеветал на них, гневался и унижал их, как часто я был равнодушным к скорбям и проблемам окружающих мне! Испросить мне надо прощения у этого брата, смиряться перед ним.

Меня обидел брат! И если я прошу ему, то и Господь много простит из бесчисленных моих беззаконий

по слову Своему. А в этом суть наших молитвословий и покаяния: «Блажен муж, еможе не вменит Господь греха» (Пс. 31, 2).

Меня обидел брат! Как я должен ридоваться возможности приобрести милость и прощение у Бога, только бы мне не обидаться и простить брата!

Итак во всем всеблагой промысл Божий ведет нас ко спасению. Меня обидел брат! и я имею возможность познать свои страсти, научиться бороться с ними и приобрести покаяние и сокрушение сердечное; простить и погнать прощение и очищение у Бога; смирение в мыслях, самоукорение, молитву за брата и любовь к нему! А когда я научусь и приобрету это, я больше возрасту в любви к Господу, приобрету упование и помощь Духа Святого и возрасту в вере.

Меня обидел брат! Возблагодарю Бога от всего сердца, что не оставляет меня заблудшим, что лечеся о моем совершенствовании. Возблагодарю, что сподобляет меня учиться в Своей Небесной школе, учиться добродетелям, учиться совершенству для спасения души!... Возблагодарю и восхваляю по слову Его: «Жертва хвалы прославит Мя, и тамо путь ниже явлено ему спасение Мое» (Пс. 49, 23).

ОТЦОМ ВИТАЛИЕМ мне пришлось встретиться в селе Бурдино у игумена Василия. Батюшка приехал с матерью Марией летом. Мы встречали его с большой радостью, зная, что он прославился как старец. Конечно, волнувались. Боялись, что он, как пророк Илия, увидит наши грехи. Подходили мы к нему в смущении. Но увидели очень простого, бесстрастного, любвеобильного человека. Он сразу всем поклонился в ноги, всех благословил переписным благословением с монашеским приветствием «Христос посреди нас». Затем встретились вечером в храме, где он с нами беседовал. Все сидели на полу, в середине — отец Виталий. Он в основном беседовал на темы Священного Писания, приводил примеры из книг Святых Отцов и отчасти — из своей жизни, которая была очень тяжелой (после мы уже узнали, сколько он перенес страданий и гонений). Очень было интересно слушать. Беседа finita закончилась примерно около двух часов ночи...

Затем по его благословению я поступил в Одесскую Духовную семинарию. Когда я поступал в МДС, то не прошел по конкурсу. Батюшка находится в это время в Бурдино, и как потом говорила мать Мария, он скачал снегу толщевой в руку и в рост себя и всю ночь молился перед иконой с этой зажеванной свечой.

Когда я узнал, что не прошел по конкурсу, то выехал домой, но мои документы отправили в ОдСС, так как там был набор, и вскоре мне пришло извещение, что я зачислен в Одесскую Духовную семинарию. Сам батюшка провожал меня на самолет (рядом с Бурдино находился аэродром «Тербуны-П», и летал АН-2 до Липецка). Мы поднимаемся, я вижу в окно самолета инструктор: батюшка бежит по лугу аэродрома, машет рукой, как будто бы старается нас подтолкнуть от земли. Помню, перед посадкой в самолет он мне сказал: «Не забывай, что если тяжело будет...» и показал наверх: «Там наша помощь — на Небеса!»

ЧЕЛОВЕК БОЖИИ

Блаженной памяти
схиархимандрита
Виталия посвящается

Часть 2
Из воспоминаний
епископа Никона (Васина)
(часть 1)

Пока три года я учился в семинарии, то редко встречался с батюшкой, а уже когда стал священнослужителем, то преподавателя была мне возможность летать в Тбилиси к отцу Виталию почти каждый месяц.

У отца Виталия было очень много духовных чад, и особенно в черно-

земье — в областях Курской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской. И когда он приезжал, то посещал своих духовных чад и, как выражалась мать Мария, «разорил бесовские гнезда» — грехолюбивую жизнь, противную Евангельским заповедям. Сами его духовные чада рассказывали о его посещениях так. Когда он приходил, то в первую очередь осматривал квартиру (или дом), и, увидев лишнее, говорил: «Вот это нужно кому-нибудь отнять». Открывал шифоньер и говорил: «Вот это оставить для себя, а это — раздать». Он очень строго наблюдал за своими духовными чадами.

Был такой случай, когда приехал он к одной рабе Божией монашине Сергеевне, и увидел, что у порога стоит уже застывшие борщи, половина бутылки кефира и остатки вареной. Поняв, что всё это будет выбрасывать, он всё слил в одну миску и стал есть. А в это время он был очень сильно болен — у него было две язвы желудка, не считая многих других болезней. После «обеда», как он потом сам рассказывал, «я почувствовал, будто какой-то вонзился мне во внутренность». Следующая еда так начала разъедать желудочную рану, что пришлось вызвать «Скорую помощь». Вот до какой степени отец Виталий был беспощаден к себе...

Через некоторое время батюшка попадает в больницу в Моники в Москве. В его палате находилось много тяжелых больных, за которыми неко было ухаживать. Он менял им окровавленные подочечные простыни, подносил все необходимое, ободрял, утешал ласковым словом. И когда бывали ему передички, он раздавал на всю свою палату.

За один раз отцу Виталию было сделано пять операций. Первоначально отрезали часть желудка, зашили, но он опять прорвался. Вторично обрезали края, зашили — повторно прорвался. Третий раз обрезали, зашили. Как потом он сам говорил, «если бы третий раз прорвался край желудка, то я бы умер». Впоследствии отец Виталий рассказывал, что приходили к нему во время болезни великомученица Ирина и Федор Стратилит, который вынул его магнитом, после чего дело пошло на поправку.

После того, как батюшку выписали, он лежал в Москве на квартире у отца Иннокентия Просвирнина. Я приезжал туда несколько раз. Мы думали, что батюшка не вызживет. Был он весь как налитой — на солнышке просвечивались кости рук и ног. Но бодрый духом, он улыбался и говорил «Вот раб Божий стал курящим есть!» Ну, курятина он не ел, а ел суп — варили бульон куриный, потому что так:

врачи приказали, и так благословил Владыка Зиновий.

До операции он находился в Сергиевом Посаде также у отца Иннокентия. Там в домовой церкви совершалась Литургия. Приезжали туда и старцы из Троишской Лавры, и архиереи. Мы участвовали там в богослужениях. Он, как обычно, никогда не сидел без дела – или писал ответы на письма, или катал свечи, или стоял на молитве в свитом оперу. После того, как ему сделали операцию, Владыка Зиновий благословил ему переехать в Тбилиси.

Был такой штрих в моей жизни. Когда я учился в академии, то обязательно ездил к батюшке за благословением в Тбилиси. Приехал однажды, отца Виталия нет. Ну, Владыка Зиновий улыбнулся, говорит: «Сядь, отец Иннок, всё будет хорошо». Поехал в Троице-Сергиеву Лавру, думаю, там батюшка, он меня благословит... А его увезли на операцию. В это время в электричке мне встретилась юрдыня: идет по электричке, пританцовывает и что-то поет. Дошла до меня и говорит: «Не бойся, не бойся, всё будет хорошо!» И действительно, я сдал сессию, шесть или семь экзаменов, на «отлично».

Для меня отец Виталий был величайшей поддержкой и такой духовной опорой, что думалось: вдруг батюшка умрет, тогда – всё. Но милостью Божией он остался жив, его перевезли в Тбилиси, и стали мы ездить в Тбилиси. Поселился он на Дидубе, на окраине города, в ущелье. Служить приезжал в Александро-Невский храм. В основном это был русский приход, потому что там находилась кафедра Владыки Зиновия, и там были батюшки с Украины и русские. Так что пришлось с отцом Виталием часто служить.

Но все равно, хотя и сделали ему операцию, болезней у него было очень много (хотя этого он от всех скрывал). Люди, которые к нему приезжали, просили о молитве, о помощи, об исцелении, и он говорил мне, что да, можно помолиться и взять болезнь на себя, а тот человек выздоровеет. И рассказывал такой случай. Вла-

дыка Зиновий болел много лет тропической лихорадкой, ко всему прочему, у него была еще оспа – маленькие язвочки на ноге. И как потом говорил отец Виталий: «Я помолвился Господу – “Господи, дай мне Владыкину болезнь, облегчи его страдания”, и вдруг у меня на ноге образовались язвочки, и такие боли были – невозможно. Мать Мария пыталась применить мне разные лекарства, чтобы снять боль, но ничего не помогало. Температура поднялась. В общем, терпел я около недели, и только когда привезли Владыкину мать, помазали мне эти язвочки, то боль прошла, и они исчезли».

Отец Виталий много рассказывал о себе. Конечно, сейчас вспомнить очень тяжело всё. Но вот такие яркие примеры его жизни. Он сидел в тюрьме, ходил из веси в веси, из села в село без документов, в подражнике. Ходил он и днем, и ночью, и часто, он говорил, приходилось ночевать зимой в стого сена или под елкой. «Вот однажды иду в село, а возле села была речка. И я, пройдя по реке, вымокший иду по пыльной деревенской дороге в подражнике. Вдруг вижу: стоит постовой среди ульи и так пристально на меня смотрит... Я тогда ему поклонился в ноги. И вдруг он отернулся, и я прошел. Но в других случаях мне сразу же поднимали карету (он называл «каретой» милиционерскую машину), привозили меня архангелы к себе в гости (он называл милиционеров «архангелами»), и меня там иной раз угощали, а иной раз – так отпущали. Ну, смысл «угощения» был тот, что был...»

По своему смирению и кротости я не встречал человека более, нежели

отец Виталий. Если он шел в магазин с матерью Марией, то любил, даже самый последний бродяга, мог его позвать – и он шел за ним. Мать Мария смотрит: отца Виталия нет. «Где братик? Потерялся братик!» Договарив, из рук вырывает, кричит: «Зачем вы моего братика трогаете?! Он большой, он только что с больными пришел!»

Или был такой случай, когда три матушки, которые добивались увидеть отца Виталия (чтобы побеседовать с ним), решили его похитить. Заплатили милиционеру, оказали, что у них братик сбегал с психбольницы, показали, где он находится. Приезжает машина: «Вы такой-то, такой-то?»

Ну, и думают, что он буйный, психически больной, избил его, посадили в машину и отвезли домой к той женщине. Приходит мать Мария с храма – отца Виталия нет. Объяснили, что был милиционер, увез его и т.д. Она звонит Святейшему Патриарху Илии, и тот поднимает весь Тбилиси на ноги, ищут целый день... И вот как потом об этом случае рассказывал сам отец Виталий: «Сидим мы у этой рабы Божией, она молчит, и я молчу. Просидели до вечера. Начесть смертятся. Я тогда говорю: “Раба Божия, отпусти меня к Святейшему, иначе будет большая-большая беда!” И она поняла, вызвала такси и отвезла меня к Святейшему». Его вот эта покорность, конечно, в пример всем нам...

Когда он служил в храме, то толпа людей шла за ним: один что-то спросить, вторые – получить благословение, третьи – лишь бы прикоснуться. И, когда он исповедовал, весь храм стоял на коленях и плакал. И он сам стоял на коленях и со слезами исповедовал самого себя. Он так и говорил: «Я исповедую самого себя». И все плакали вместе с ним.

Батюшка много рассказывал о том периоде, когда он поднимался в Кавказских горах. Он очень сильно болел легкими, поэтому через горные ручьи его всегда на себе переносили отцы. Спал он на скамеечке, а она была такая узенькая, что, говорит, ночью чуть «ворочнешься» – и сразу

леться на пол. Вместо подушки под голову он клад плечо.

Был там такой случай. Отец Виталий готовил пищу старцам и всегда на это получал благословение. Однажды старец говорит: «Виталий, одари суп с рыбными консервами». Я, говорит, взял баночку с консервами, вскрыл ее, а там лежат одни скелетики – пропавшие консервы... «Говорю: "Баночка, в баночке – один скелетик". Он мне отвечает: "Выброси, возьми другую". А мне так стало жалко выбрасывать, я взял и съел все это. Взял другую банку, вскрыл – хорошие консервы. Сварил суп, старец пригласает: "Виталий, иди есть" – "Я не хочу" – "Почему не слушаешь? Иди, съешь" – "Баночка, я, правда, не хочу! Я ту баночку съел..." – "А-а-а!.. – ба-

точка закричал. – Ах ты, поганец! Ты еще отравишься тут!..» – крестом меня отругал...» Так отец Виталий стремился, чтобы ничего не пропадало, потому что знал, что за все будем отвечать.

Однажды, когда он был в горах, его послали в селение купить продуктов. Один старец подходит и говорит: «Виталий, не ходи в селение, тебя убьют». Как потом рассказывал сам батюшка: «Помолился я и отвечаю ему: "Прости, отче, помолись! На всё святая воля Божья", и пошел. Иду вниз, крутом стоит стеной каштанья. Вдруг из леса щелкает курок. Я остановился. Потом опять: «шелк! шелк!» – осека. И выходит из зарослей большой дятель бородастый... Смотрит на свое ружье ("что это такое с ним

стучась?"), поднимает вверх, нажимает на курок – ружье стреляет. Он покачал головой и ушел. Потом его встретил витязь в магазине, купил ему килограмм конфет, и он был моим самым душевным другом». Так отец Виталий на зло отвечал добром.

Помню, батюшка рассказывал о тех событиях, когда пришли бандиты и обросили старца Исаакия в пропасть – впоследствии его нашли там по обломанным веткам и похоронили. И все равно отцы не ушли после этих событий и продолжали там подвизаться. И только по благословению Владыки Зиновия, в связи с сильными болезнями телесными, пришлось отцу Виталию уйти с гор и поселиться в Тобитси.

продолжение следует

РЕФУКУ

Количество добра на белом свете
Не станет больше без сердечного тела.
Что принесут несчастным люди эти,
А значит и не станет меньше зла.

Пройдет пора кощунства и безверья,
И снова людям станет нужен храм.
Уверенно могу сказать я,
Что будем жить мы так, как нужно нам.

Исчезнет жажда грешного богатства,
И к нам придет желание добра,
Возникнет человеческое братство,
Где каждый – брат и каждая сестра.

Прожить годы без воздуха, без солнца,
Без теплых капель ливневых дождей,
Печально глядя в мутное окошко –
Увид ужасный брошенных людей.

Как часто слышим мы, что жизнь жестока
К калекам, престарелым и больным,
Чья жизнь проходит очень одиноко
В надежде сильным стать и молодым.

Но есть такие люди в наше время,
В чьем сердце вечно теплится любовь,
Что вкалывает на себя любое бремя,
Как Иисус, за нас проливший кровь.

Сергей Коновалов родился в 1955 году в городе Ельце. Жизненный путь его сложился непростым. Щедро наделенный от Бога, он обладает острым аналитическим умом, прекрасной памятью, незаурядными творческими способностями. Господь был милостив к нему: окончив в 1976 году Елецкий пединститут и став учителем русского языка и литературы сельской школы, в 1989 году он становится директором крупнейшей городской школы. Но вскоре после этого он начал испытывать.

Из-за тяжелой болезни Сергей был вынужден оставить любимую работу и с 1993 года оказался прикованным к постели. Кто может познать скорбь парализованного человека; безнадёжность и отчаяние здесь кажутся неизбежными:

«День миновал, за ним другой,
А следом третий и четвертый,
Мне ясно, как тоскует мертвый,
Засыпавший сырой землей», – писал Сергей.

Перед ним стал выбор: отчаяние, забыть себя или жеполнаться найтти новый смысл своего существования. И Всевидящий Господь являет Свою

милость, указав ему на новую цель в жизни. Сергей начинает увлечься историей православия и веры. На его прикроватном столике рядом с томами Пушкина, Карамзина, Достоевского помещается Священное Писание, Закон Божий, молитвослов. В январе 1997 года Сергей, слезливо увлеченный поэзией, пишет стихотворение «Дары волхвов», повествующее о Рождестве Христовом, через несколько дней – «Христос и Претеча» о крещении Христа. Бывшие подарило ему интересный замысел: написать стихи, посвященные всем двенадцатым праздникам. Сейчас эта работа завершена: создан поэма под названием «Близкая вещь» и цикл стихотворений «Верую».

Скованный тяжелым недугом, Сергей все продолжает творить. В этом ему помогают близкие люди, записывая его стихи под диктовку.

Удивительные спел Сергей, основой которых стала глубоко осознанная вера, свидетельствуют о том, что он нашел единственно достойный человеческий путь – путь к Богу. Но самым удивительным является то, что прикованный к постели, безнадёжный, как кажется, человек обрел смысл жизни, смысл вечного бытия и имеет радость жизни, чего не имеют многие, очень многие физически здоровые люди.

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынноиком

Как сохранить душевный мир и живую молитву в условиях современной суеты

Прожить века – это спешка, – сказал один из современных поэтов. Так вот, эта «спешка» сегодня всех весьма и весьма мучит: дьявол гонит нас от мысли к мысли, от желания к желанию, от одного дела к другому, – каждого по-своему на его месте.

Поэтому, какой для меня был наглядный, поучительный пример – отец Виталий.¹ Он делал все степенно, медленно, спокойно, мирно, рассудительно и, конечно же, верно. Вот эту мирность всем нам необходимо приобретать, потому что, по словам преподобного Серафима Саровского, «если мир и около тебя спасется тысячу».

Этот мир нам необходим, как и в Псалтири читаем, что «в мире место Его», т.е. Господь пребывает только в мирном сердце. А когда сердце в смутении, возмущении и наполнено не тем, чем нужно, – не памятью Божией, а памятью суетных забот, попечений и развлечений, – человек терзает Господа... чтобы не сказать – изгоняет. Господь удаляется, и человек мятежится и попадает в еще большие сети и козни пражки.

Бывают, правда, люди с естественной медлительностью, но это другое дело. Нужно ведь не сама медлительность, а духовная степенность и рассудительность, чтобы наше сердечное око было постоянно обращено к Богу.

Как бы мысленная такая близительность: «Господи, как в этом деле мне поступить? Господи, а в этом как? Господи, а вот это что? Господи, а здесь что сказать? Господи, как я должен с этим человеком общаться?... а с этим?» – внутренняя работа, постоянная обращенность к Богу.

И хотя этот навык приобретается не сразу, к нему мы должны стремиться, а то ведь многие даже не знают, к чему мы должны стремиться, чем мы должны заниматься внутри себя.

Господь сказал: «Призови Мя в день скорби твоея и изму тх, и прославяши Мя». И когда мы обращаем-

Вопрос: Но как быть, если наши повседневные дела все-таки швергают нас в суету?

Ответ: Это происходит потому, что мы исполняем их неправильно, т.е. с **богозабнением**. Любое дело или послушание надо нести **ради Бога, пред Богом и в Бога**.

Вопрос: Как это «ради Бога»?

Ответ: Мы должны молиться внутренне: «Господи, Ты видишь, что это послушание для меня неудобно-исполнимо, но ради Тебя, бывшего послушным Отцу даже до смерти крестной, я приступаю к нему, только чтобы благодать Твою впомощь мне, ибо без

Тебя я буду творить только зло – зло подличивой добра». Ведь если человек подумал: «Я сделаю» – благодать отсутствует, и он делает ошибки, портит дело, расстраивается, ропщет на дело, ропщет на начальство, на своих сотрудников, ропщет даже на кого-то или что-то, но только не ропщет на свою самонадеянность, что он подумал: «Я это сделаю».

Может быть, только в чувстве сердца это движение прошло,

человек его и не заметил, но дело он начинает портить. Оно его уже отгоняет, он начинает роптать на всех и вся, он – в раздражении. Если его ругают, что испортил дело, он впадает в уныние, расслабление, апатию, и может дойти до большого расстройства в жизни: «Как мне это уже надоело!.. Надо что-то изменить...» и т.д. А фактически все очень просто – он питает свою страсть, за которой идет уже целая цепь последующих грехов.

Источник св. ич. Висловск в Камнях

ся во всяком недоумении, во всяком смущении, во всяком деле, даже и в мелочном, к Богу, Господь промышляет и устривает. Таким образом, мы и в суете не теряем Богообщения.

В наше время всеобщей суетности и многооплеивательности это делание, мне кажется, одно из самых нужных и самых спасительных для человека.

¹ Схиархимандрит Виталий, Глинской степи, блаженно почивший в 1992 г. в Тбилиси (прим. ред.)

А если поступать благоразумно, то должно было бы прежде нового дела сказать: «Господи, в такой немощной и грешной, такой оскверненной...» и т.д., — укорить себя истинно пред Господом. «Но хотя в такой грешной, пощели Твоей благодать в помощь мне для исполнения этого дела?» Человек смиряется, и Господь подает ему благодать Святого Духа. И он делает дело тихо, мирно, спокойно. Если даже он и ошибся, испортил что-то, или его укорили, то ему при этом легко смирился, потому что он знает: «Я такой на самом деле».

Вопрос: А что значит «пред Богом»?

Отвечает: Если мы верим словам Господним: «Без Меня не можете творить ничего», то, творя всякое дело, мы должны чаще обращаться око своего сердца к Богу примерно с такой молитвой: «Господи, Ты знаешь, какие последствия будут от этого дела. И поскольку я человек омарченный, то Ты Сам вразуми, научи, помоги мне исполнить это дело, как Тебе угодно».

Таким образом, мы навязываем памяти Божией. А если ее приобретаем, значит, вступаем в живое Богообщение — чувствуем, что к нам близок Господь, и мы близки к Нему. И тогда наше дело совершается в **Бог**. А это уже — залог спасения.

Вопрос: Откуда возникает суестьность в поведении?

Отвечает: Это — одна из многих непримечательных нами страстей, как Апостол сказал: «Ничего не делают, а суесться». Но, как говорит народная поговорка, «каждый баран за свои ножки висит»...

Вопрос: Что же делать практически, чтобы не впадать в суесть во всех наших житейских делах и пожеланиях?

Отвечает: Есть много разных методов, это зависит от образа жизни каждого человека. Но если говорить вообще, один из самых первых — должно иметь веру, что Господь печется о нас и нам, фактически, не о чем заботиться. Нам надо только заботиться о том, чтобы побеждать страсти в каждом случае и исполнять ту или иную заповедь, в совершённых грехах искренне каяться и смиряться пред Богом и пред людьми. И хотя бы раз в

день читать сколько-нибудь Святых Отцов и рассуждать о себе, в каком состоянии находимся. Об этом мы должны заботиться, а все остальное нас не должно касаться. Как сказано: «Надеясь на Господа, выше всех скорбящих» — и радость, и горсть они принимают с равным помыслом.

Второе — нужно, чтобы мы имели память Божию и обращались к Нему во всяком даже незначительном житейском деле. И когда мы это будем иметь, тогда будем поспешнее остепеняться.

Будем сохранять мир души, и житейское дело наше будет устриваться.

Помню такой наглядный пример. Когда я был у отца Виталия, приехали к нему духовные чада — матушки. Побили некоторое время, и вот им уже нужно уезжать. Собираются, баушка провожает. Его послушница торопит: «Отец Виталий, быстрее, они уже опаздывают на поезд! Осталось двадцать минут!» Но он спокойно продолжает читать молитвы о путешествующих. Она: «Отец Виталий, они уже опаздывают! Ты слышишь?» Он абсолютно не реагирует, продолжает читать молитвы, окончивая, дает приложиться к иконе, к кресту. Матушка: «Ну, всё! Теперь они точно опоздали!» А за ними должен был приехать один благодетель на машине и ответить их на вокзал, а его нет. Или опоздал, или забыл, или что-то случилось. Надо на метро бежать. Быстрее-быстрее — побежали...

И вот, когда они уже поспешно метро, минут через десять приезжает этот шофер.

— Ну, где же ваши пассажиры?

Матушка сразу на него:

— Почему ты опоздал? Нас подвез, они уже побежали на метро. Тебя нет, они, может, опоздали на поезд!

— Как опоздали? Сейчас еще столько-то времени!

— Как?! Не может быть!

— Да так! Это ваши часы спешат на сорок минут!

Я подумал: «Ну, отец Виталий!»

Меня поразило то спокойствие, с которым он реагировал на эти, вполне обоснованные, угрозы со стороны матушки: «Опаздывают же, отец Виталий! Ну, что же ты делаешь? Что ты тнешь?» А он так тихо, спокойно...

Следующее средство — постараться научиться стоять на точку зрения со стороны невесты, то есть посмотреть на себя, на свои дела, постоянные, ежедневные, житейские, обидные, и малые, и большие, с точки зрения невесты. «А как я буду смотреть на себя, когда я перейду уже в вечность?» Ну, если в начале, то это не будет, конечно, получаться. В начале, хотя бы мы раз-два за день вспоминали, или на первый случай, хотя бы вечером мы про-

сматривали свою жизнь: что произошло за день, как мы смеялись, как мы разговаривали, как мы с кем-то спорили, как мы обиделись или стали не вовремя, и прочее. Все наблюдать за собой, все пересматривать. Как на видеомониторинг сейчас записывают, а потом смотрят. Вот так записанное у нас в памяти мы должны пересматривать перед собой, и тогда мы увидим самих себя. Мы увидим свои грехи, мы увидим наше ничтожество, мы увидим наше окаянство. Действительно, это способствует «помогать нам рога» самодовольствия, превосходения и прочей гордости. В том числе, оно будет ломать и нашу суестьность, нашу многозаботность, многострадание и другие греховные склонности. Это очень действительное средство. Но конечно, становится это весьма-таки не просто. Но мы должны начать своей свободной волей, как сказал Ефрем Сирин, а завершит дело только благодать Святого Духа. И как Господь сказал: «Без Меня не можете творить ничего». Мы предвзвешиваем это дело: «Господи, помоги! Господи, вразуми! Господи, укрепи! Господи, соверши!» И Господь всегда благому делу даст в помощь благодать Святого Духа. И тогда мы будем чув-

ставить себя пред лицом Божиим, будет у нас и смирение, будет у нас покаяние, будет у нас трезвение, будут у нас и прочие плоды Богоугодные. А если мы суеитесь, бегаем "как уторяеь", тогда...

...Одна женщина бежала на трамвай, но опоздала, а этот трамвай попал в аварию... «Как хорошо, что я туда невошла, а то бы и я там была!»

А одной рабе Божией было слыше открыто: «Вы терпите такие беды, потому что вы спешите и не молитесь, забываете о Боге, а помните только свою суету».

Вот потому-то бес во время нашей работы (или путешествия) и имеет над нами власть – потому что мы, не сделав дело Божие, хотим сделать только свою суету. И враг действует уже как бы по закону справедливости – мы попадаем под его влияние, т.е. слушаем его, а не Господа. Становимся как бы незаметно послушниками дьявола, который внушает нам: «быстрой, быстрой, быстрой!», хотя в утренних молитвах читаем: «Избави мя от поспешения бесовского». Читаем, но не стараемся применить в своей жизни, потому и страдаем.

Есть еще одно средство, как мы должны поступать в поглощающей нас суеитости. Мы ее (эту суету) можем использовать. Каким образом? В каких бы мы условиях не находились, в какой бы степени эта суеитость не была, нам можно поступать подобно мельнице. Все знают, что такое водяная мельница, когда крутит вода, или ветряная мельница, когда крутит ветер – идет поток ветра или воды мутилой, грязной... но они крутят колесо. Это колесо передает движение на внутреннее колесо, и в конце крутятся жернов и мелется мука. И от этого потока мутилой воды или ветра получается благое дело, получается нам мука на хлеб (для тела). А здесь от потока суеты и ветра искушений мы точно так же можем получить хлеб для души.

Вот каким образом: если, скажем, крутом шум, гам, крик... ну, как в житейском – поспешимся мы крепко, но когда опомнились: «Господи, прости меня, что я так нагрешил!» (хоть многие и инстинкт себя в этом). Окажем

мы себя тут же, на месте преступления, как только опомнились. Покаялись – видишь, что другой смеется. Мы уже не осуждаем его. «Господи, помоги и ему, и святыми его молитвами и меня, окажанного, помилуй». Уже чувство осуждения заменяется чувством сострадания. Или видишь – кто-то говорит не то, что нужно. Тут же начинаем наблюдать за собой и, замечая что-либо греховное, сразу же каемся: «Господи, прости меня и помоги брату моему, и его святыми молитвами и меня, окажанного, помилуй». Опять заменяется чувство осуждения чувством сострадания. Или разгневался он, а мы, помня свой гнев, тоже каемся в своем гневе, прося прощения и себе, и ему. И так – в любой другой страсти, какую мы замечаем.

Таким образом, поток этой мутилой

ны, и не знаешь, куда оно упадет и что сейчас с тобой будет: останешься ты живой или тебя уже сейчас не будет?... и уже в таком состоянии: «Господи, только Ты можешь меня сохранить, не знаю, что сейчас будет... а пить-то надо!»

Деревья кое-как стволы, они упали, все благополучно. Потом посмотрел – выше площадки нужно убрать огромный чивар, около метра толшиной. Он гниловатый в корнях и при сильном ветре может упасть. А если упадет, то прямо на келью. И если такой «хришет», то ничего не останется, и мне в той келье гроб будет. Надо его спилить. И умудриться при этом, чтобы он упал в сторону от строительной площадки, потому что его ветки наклонены к площадке. Пило:

«Господи, помоги мне!.. ну, кто мне поможет? Ангел-Хранитель! Ты чуть-чуть сдвинь его... что тебе стоит?.. толкни, и оно полетит!.. а мне как трудно!»

Был Успенский пост, и я думаю: «Господи, прости, что приходится суеитись, что приходится суеитись в пост!» Раньше старец советовал в пост сокращать суету... а здесь уже вижу, что до зимы не успею перейти, нужно побыстрее кончать. И уже работаю, и так: «Ну, Господи!.. ну, помоги мне!.. ну, видишь, кто мне помо-

жет?.. никого нет кроме Тебя, Ты помоги мне!» И так молось, и такая всякая обращенность к Богу, что чувствую: я пред Богом, и Господь зрит на меня. И мне радостно, и я работаю мирно и не чувствую суеты. Тогда я понял, что можно работать и не суеитесь, можно работать и молиться, работать и иметь память Божью – всё зависит только от нас.

Ведь, если разобраться глубже – для чего мы молимся? Для чего знавоведно нам читать непрестанную молитву? Для того, чтобы иметь память Божью (которая потом открывает путь к Богообщению). А здесь, фактически, при этом делании (о котором я упомянул), если мы бдим внутри, если наша внутренняя шестеренка работает, то она дает нам память Божью – приводит к ней при нашем старании и при помощи благодати Святого Духа. Вынужденные внешние обстоятельства заставляют нас обращаться к

воду» – житейских искушений, начинает вращать нашу внутреннюю мельницу, с помощью которой мы начинаем извлекать спасительный хлеб для нашей души, то есть молитву, покаяние, смирение, самоосуждение, всерошение к нашим близким и прочие плоды, которые каждый уже будет приобретать свои. Но главное то, что это делание начинает нас учить памяти Божией.

Помню, был у меня такой случай. Когда я решил уединиться, мне сказали: «Если хочешь жить уединенно, то и стройся один». Взял я плу, пошел строиться. Сделал площадку, нужно ставить столбы. А как я один подымлю столб в четьре метра длиной? Он же тяжелей. Тогда я не стал валить деревья, решил влезть метра на три от земли и там пить их.

И вот стоишь на лестнице и пидышь это дерево... и сейчас перед твоим носом оно будет ломаться... а оно 30-40 см толщины и метров 20 дли-

Лжеименный "подвиг" на поводу у лжеименного "разума"

Богу. Только беда наша в том, что мы нерадим об этом. А надо бы, если изнемог, устал – «Помоги, Господи»; раздражился – «Прости, Господи»; запутался в чем-то – «Вразуми, Господи»; осудил кого-то – «Прости, Господи, его и меня, помилуй нас и помоги нам исправиться!» И, таким образом, мы начинаем нашу живую молитву и через это приобретаем память Божию. А, приобретая память Божию, мы приближаемся к той цели, к какой мы стремимся, ради чего мы читаем молитву. И хотя мы не молимся непрерывно, мы уже приобретаем память Божию, и она нас учит, ведет непосредственно к Богообщению. Конечно, не сразу, не на первых ступенях. Но это – один и то же путь. Только один навязывает памяти Божией посредством вынуждения, без развлечения помыслов. А другие, находясь в миру, среди искушений, могут приобретать это чрез живую молитву у всем свершающегося пред ними, постоянно исповедуя пред Богом свою немощь (что тем более подталкивает к действию и укреплению памяти Божией и Богообщению).

Это очень важно. Этому деланию учил еще Иоанн Кронштадтский. А мы знаем, что отец Иоанн Кронштадтский – это знамение нашего времени, его образ спасения дан нам, как образец для нашего спасения. Он находился постоянно среди людей, находился постоянно в толпе, но молитву не прекращал. Как засвидетельствовал о нем старец Ситуан: «Он никогда не терял благодати Святого Духа». Другие подвижники теряли, находись даже в пустыне или в затворе. Он же, сказано, никогда не терял благодати Святого Духа, а все время приращивал и умножал ее. Почему? Потому что у него было именно это делание: он смотрел на скорби людей, смотрел на страдания, болезни, и они подталкивали его к усердной молитве об этих людях. Они его учили живому Богообщению, непрестанной молитве. Он вопиал ко Господу от всего сердца, что говорила сама душа. И вот он в такой суете, в таком страшном предпрелюбовное время сохранил благодать Святого Духа и являлся одним из величайших святых нашего века.

Так что мы должны этому учиться. И это не просто должна быть теория, а практическая, повседневная жизнь.

Евгение Отцы много плакали о своих грехах. Плакали истинным плачем, исходящим из смиренного и сокрушенного сердца. Святыми они стали потому, что считали себя великими грешниками. И это происходило не по ложному смирению, как многие думают, а на самом деле, потому что в душе, озаренной светом благодати Божией, каждое даже самое маленькое черное пятнышко становится хорошо видно духовному оку подвижника. Потому и плакали Отцы над тем, над чем мы сейчас носим и не задумываемся, что не считаем и за грех.

Мы не хотим брать пример, достойный подражания, со Святых Отцов. О своих грехах – больших и малых – плачем весьма неохотно и весьма мало, большей частью формально и неискренне. Чаще всего плачем мы от обиды, которую нам причинили люди.

«Наше сердце в таком состоянии, что в него ничего не проникает, ни одно слово. Перед нами лежит Крест и на нем распятый Христос, облитый кровью, а человек приходит и начинает ныть: вот у меня то, вот она мне это... Лежит распятый Христос перед нами, а мы жалуемся, что кто-то нам что-то сказал. Что в тебя, гвоздь, что ли забил? Не можешь потерять такую малость, что тебе там кто-то что-то сказал? Вообще тогда – на что ты голый? И так во всем: постоянно каждым своим помыслом, жестом, каждым своим делом, каждой мыслью мы отрекаемся. Тогда зачем мы Крест носим, если мы не можем понести то, что нам Господь дал?» (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди).

Вот так часто бывает с нами. Почему же такое происходит? Да потому, что все мы заражены грехом. А бо-

роться с ним и плакать о своих духовных недугах, мы далеко не всегда желаем. Еще потому, что во внутренней нашей жизни имеется много различных крайностей и заблуждений, много ошибок. За контролем прохождения духовной жизни особенно никто не следит, поэтому многие предоставлены самим себе – своему плотскому мудрованию и проистекающим из него самочинным делам, разбавленным ядом высокомерия и гордости.

Потому то – слишком много жизни неправильной и направленной. Много безобразий всяких: духовного не вежества, а, свихомвольного поведения, поправки церковных законов, духовного и прочего любопытства. Печально, но факт. Катимся вниз – по наклонной плоскости – весело, дух захватывает, скоро кувыряться.

Тогда посмотрим, какой смех будет.

Много дести и лицемерия – про это уже неоднократно говорилось. Растущаясть правое. Духовная сторона в действительном и згчайшим состоянии, но такое впечатление, что никто ничего не видит и не слышит, а скорее всего – просто не хочет.

Вот и получается – безобразия много, преподобия – мало! С кого брать пример, достойный подражания? Все совратились, все говорят неправду. «Подвиг» наш большей частью только внешний и лозный – идет на поводу у такого же – лжеименного «разума».

Стали мы: «...неотребны, многим грехам повинны и многих страстей исполнены. Да позншем, хотя не вполне, как мы окажны и как безрасудны, прилепляясь и пристращаясь к миру сему, скопляя вещи тленные, и

ради их вдаваясь в заботы и смуты, с вредом для душ наших. И всё это мы в похвалу себе поставляем и добрым делом считаем! Но горе нам! Мы не повинуемся достоинству душ наших, не разумеем, для какой жизни призываем, — говорит святой Исаак.

Жизнь наша в мире сем, её скорби, её блага и покой почитаются нами за нечто важное; о жизни же по духу, погружая в леность, миролюбие и беспечность, мы говорим, будто она свойственна была только древним Святым, а нам она не нужна, да и не возможна также подвиги...

Но не так это, не так! Не возможно они для тех, кои беспечно порабощают себя страстям, кои не хотят казаться, истинно прилежать Духу Божию и предаться бесполезным поучениям мира сего. А тех, кои усердно каются, кои с многою любовью и страхом взыскуют Бога, и к Нему Единому взирают, и по заповедям Его поступают, тех всех Господь принимает, милует, дарует им благодать Свою и прославляет их.

Кто всецело посвятит себя делу Божию, того сама благодать Божия вразумляет, тому она способствует отныне и до века. Тех же, кои не хотят подвизаться и суетоват, будто в настоящее время не полагает уже Бог древних дарований, тех Апостол называет прельщаемыми и прельщающими других. Есть такие, кои и слышать не хотят о том, что и ныне есть благодать. Но Григорий Синаит называет их омерзительными крайним нечувствием, неразумием и маловерием. (Преподобный Нил Сорский. «Устав о скитской жизни»).

Из предвещаний пророков видно, как она подходит под наше лукавое время, как будто специально для нас и написана много лет назад Преподобным Отцом. Всё это провидели Святые Божьи люди Духом Святым и потому оставили нам свои духовные писания в наставление, чтобы мы руководствовались ими для спасения наших бессмертных душ в жизнь вечную.

Но — руководствуются весьма немногие. Много имеется у нас разных греховных привычек, которые от длительного упорствования и нашего нежелания бороться с ними укореняются и переходят в лютые страсти, и потому — связаны мы по рукам и ногам различными этими страстями.

Страсти же могут проявляться в человеке под самыми благовидными предложениями, — страсти могут быть за-

маскированы даже духовностью. Имеется в виду — «духовностью» лживой, тщеславной и болезненно самолюбивой, напыщенной подчас ситанливой злобой на всех и вся без всякой на то причины.

Привычка нет — но злоба находит её из ничего и выплёскивает на людей. Это — результат неправильного делания в некоторых «подвижниках», которые дерзают пробовать свои слабые, но подкрепляемые гордостью и тщеславием силы на поприще затвора, или же — юродства, молчания, усиленной ночной молитвы и прочих высших духовных дарований, которые даются только единичным избранным Божьих людей, и только строго последовательно — после длительного тяжёлого искусства среди уничиженной жизни в общежительном монастыре, а не после нетерпеливого и самовольного ухода в самочинное «подвижничество».

От людей уйти можно, — от самого же себя попробуй уйти! Нет! Никуда не уйдёшь и тем более — ничего не достигнешь — «по причине гордости, проникшей в каждого человека!» Это нужно иметь в виду! Потому-то с прищербием и наблюдаем мы бесплатные представления некоторых наших прельщаемых «подвижников», о которых Свяtitель Игнатий Брианчивов очень хорошо сказал в пятом томе «Приющения современному монастырю»: «...душепагубное актёрство и печальнейшая комедия — старым, которые принимают на себя роль древних Святых Старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самый их образ мыслей, их разум, их знание, суть самообольщение и бесовская прелесть!»

Так говорит Свяtitель Игнатий Брианчивов. А как говорим и ведем себя мы? Большею частью — никак, или же — весьма отрицательно. Время от времени наблюдаем мы «специальную комедию и душепагубное актёрство» среди нововведенных «старцев».

Наблюдаем ходящих гордо и незанимательно, высокомерно задравших вверх свою «мудрейшую» голову и мнящих себя «великими». Наблюдаем «увеличивающих» воскрикивая риз своих, но не увеличивающих добротелю своей души. Наблюдаем «ропотников, укорителей, досадителей, уста которых «глаголют предаркая и прегордая», много чего наблюдаем... И что же в конце концов из всего этого законченного фарисейства выходит? К чему приводит извращение духовной жизни?

Приводит к тому, что долго такой человек в монастыре не держится и снова «вылетает в мир, — туда, где сейчас особенный плач и скрежет зубовый!». Также и многие другие «учителя» и любители острых ощущений, мало помалу отсоединяются через сито своего не благого произволения и исчезают куда-то бесследно и незаметно. Был человек — и нет его! Где он? Где он? На стороне далече — исполняет свою дорожку волкошку, насколько не желая смириться пред волей Божьей, пред Промыслом дивным Его.

Почему такое происходит? Ведь с духовным нельзя шутить.

Такие «шутки», как правило, добром не заканчиваются. Потому-то — да сохранил нас Господь от всякия неприязни. Любителям же ночной или любой другой усиленной молитвы хочется сказать: «Берегите свою голову!» «Криво» едет не от усиленной молитвы, а от усиленной гордости. Потому — берегитесь! Преждевременного желания получить духовные дары, залезая нуде в запретившую область. Бог даёт духовные дарования по мере нашего смирения, а не по мере нашей оголтелой решительности. Пока не будет у человека смирения — не будет у него и духовных дарований. Во всём нужно соблюдать меру и постепенность, и тогда опасность повредиться умом сойдёт на нет.

Потому-то — неудавшимся и гордые «подвижники», — останьтесь от сво-

Фарисей

его безумия: не скрывайте свои духовные неудачи под видом необычного, из ряда вон выходящего поведения. Ведь Бога не обманешь своей «дутой раскрепощенностью» и театральным лицемерием. Да и люди не дураки: всё видно неуверенным взглядом, какие «дарования» и от кого вы получили в ваших самозванных «подвигах», основанных на камне укоренившегося самодобия и сатанинской гордости.

Нужно весь этот мусор убрать из сердца, нужно позаботиться о серьезной болезни своей души. А чтобы позаботиться о болезни души, нужно для начала эту болезнь признать в себе, а потом уже принести чистосердечное покаяние в своем заблуждении – припасть в сокрушении сердца к ногам духовного отца с просьбой о молитвенной и прочей помощи, – с просьбой об избавлении от прелести бесовской.

Кому сказано можно ещё добавить некоторое количество слов об отложении всяких похвальных житейских – в смысле не общих монастырских забот, а в смысле личных похвальных материальных, которых у нас нет. Этим мы стали уподобляться весьма догадливым сынам века сего, совсем не желая уподобляться сынам света.

«Сынами века сего (по словам Архиепископа Феофилакта Болгарского) называют тех, кои придумывают все, что на земле полезно для них, а сынами света тех, кои из любви к Богу дол-

жны преподавать другим духовное богатство».

Здесь имеется в виду то, что люди, поставляемые в управители человеческого ивменем, всечески стараются о том, чтобы после отставки от управления иметь утешение. Оказывается, что управляя человеческим ивменем, мы умно ведём свои дела и стараемся, чтобы иметь какое-либо убежище жизни и тогда, когда мы будем отставлены от сего управления». Таковы «сыны века сего», то есть – мы!

«А сыны света... нисколько не думают о том, чтобы после сего получить себе пользу. На этом можно было бы поставить точку, но следует ещё упомянуть о том, что у всех на виду и всем ясно, но о чём говорят почему-то только немногие пастыри. Это упоминаемый уже вопрос нашей нравственности, о которой можно хорошо сказать словами Преподобного Нила Сорского: «Я видел, что там живут не по закону Божию и преданию отеческому, а по своей воле и человеческому рассуждению. Много ещё и таких, которые, поступая так неправильно, мечтают, будто проходят жизнь добродетельное...»

Нил Сорский ушёл из монастыря Белоозерского в пятидесятити верстах от него построил скит по образу Афонских скитов, который к концу его жизни состоял из двадцати человек. Нил Сорский ушёл. Нам уходить нельзя. Благодать пока ещё не отнята от нас.

А как будет в дальнейшем – это станет видно из нашей последующей жизни – тогда-то, собрав все сложившиеся обстоятельства, и нужно будет принимать определённые решения.

Пока же – тихо сидим и молчим. Молча смотрим на окружающее. Пред всем смиряемся. Совесть – это голос Божий, тоже почему-то молчит, как ни странно. Потому-то: «Смирение ставится рабской покорностью перед злом, рассудительность оборачивается трусоватой или шивачьей расчётливостью, а терпение обнаруживает себя как унылое равнодушие и слача всех позитив».

... Мы притягиваемся идти путём, где от нас требуется высшее напряжение, предельное усилие, чтобы пламенным духом ступить Господу. Как сможем мы противостоять новым грядущим испытаниям, если у нас не будет этого?» (Из доклада протоиерея Александра Шаргунова на всероссийской православной конференции в Самаре. Май 2000 года).

Мне тоже хочется задать этот вопрос всем и себе: «Действительно – как? Как мы сможем противостоять грядущим испытаниям с нашей дурной и распушевающей нравственностью, с нашими укоренившимися страстями? Я лично затрудняюсь ответить на этот животрепещущий вопрос, а – вы?»

Амвв.

Монах Иосиф

Господи, Ты знаешь, что я оставил родной дом, чтобы исполнить мой долг, и знаешь также, что я не вернулся оттуда, куда судьба меня забросила. Никто не знает моей участи, боли моего сердца, мучений моего тела. Ты знаешь, сколько я тебя молил о помощи, но ты решил за меня: я не вернулся домой, пропавший в снежной буре, в море,

"Соединенные светом милости и надежды"

Продолжение, начало см. № 10 (11)

в леске, во льду и в снегу, в безграничном царстве Твоем.

Господи, Ты Один знаешь о моей участи и соизвешь всю боль вселенной, утешь мою мать и моего отца, приласкай мою невесту, побереги моих детей, скажи, что найдут меня через веру в Тебя, меня будут чувствовать в душе своей.

Господи, Ты Тот, Кто на кресте был пронзен сострадальными копьем солдата, сжался над теми, кто пропал бесследно в вихре войны, умоляю тебя, Господи, слей так, чтобы я на своей последней отдышке вернулся в мою родную землю.

И, конечно же, эта молитва не осталась безответной. Господь и Божья Матерь вновь явили Свою милость к тем, кто неперывало, неизменно и неслепемерно возывал Ним. Они открыли Свою Волю как в отношении павших, так и оставшихся в живых солдат. Тем, кому суждено было вернуться из плена, предстоило наглядно постичь самую чудную и неоспоримую истину о том, насколько словесный и непредсказуемый для человеческого понимания путями выступает промысел Господень. Им, по обетованию Божию, вместе со своими вчерашними врагами содеянное было провонять одну из высших форм милосердия,

выразившуюся в деятельной заботе по обнаружению мест захоронения и трогательном посещении о телех павших товарищей.

Ранее других были случайно найдены в августе 1990 г. на северной окраине Россоши во время проведения земляных работ останки двух итальянских солдат, к которым вскоре добавились и другие захоронения. Все последующие обнаружения станут возможными благодаря деятельности членов военно-исторической ассоциации «Военные мемориалы», которые вели свою работу как на основании расстроссов местных жителей, бывших очевидцами основных событий военной поры, так и в результате систематической организационных поисков на местах боевых действий. В 1992 г. по согласованию с районной администрацией и при финансовой поддержке итальянской туристической фирмы «La Regione» членами ассоциации была произведена эксгумация вывезенных останков итальянских солдат, которые затем в специальных кассетах были вывезены для перезахоронения в Италию.

На месте первого захоронения итальянских солдат, наряду с уже имеющимся в городе мемориалом советским воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны, был установлен по проекту россосианского архитектора В. Г. Завалова обелиск в форме креста над часовней и на территории Италви у подножия памятника. Летом 1999 г. здесь впервые был отслужен заупокойный молебен настоятелем местного храма в честь святого благоверного князя Александра Невского протоиереем Иоанном Лукановым. В краеведческом музее Россоши старинными ветеранами делянского корпуса, директором музея замечательного знатока истории своего края А. Я. Морозова в специально оборудованном зале была развернута экспозиция, повествующая о гримасном уроке одной военной авиаторы, итальянским целью полковником итальянцем, в знак скорбного напоминания, наказания и примирения. Одним из стелсов этой экспозиции украсили надписью: «Два сраженных жителя земли, соединенные светом милостины и надежды для мира делянцы-и стиском чудотворной иконы Божией Матери, известной «Умичение злах сердца» («Семистрельяно»), которую итальянцы почитают как «Madonna del Dolo».

«О многострадавшая Мати Божия, Превышшая всех дщерей земли, по чистоте Своей и по множеству милостей, Тобою на земли перенесенных, прими многоболезненныя злодьяныя наши и сохрани нас подкровом Твоем милости. Иного бо приближиши и теплого предстательства ради Тебе не вемы, но, яко дерзновение имущию Тыже Тобю возлюбивую, помози и стати в молитвами Своими, да непрестанно достигнем Царствия Небеснаго, идеже со всеми святыми будем воспевать в Троице единому Богу ныне и присно, и во веки веков. Аминь.» (Молитва чудотворной иконе Божией Матери, известной «Умичение злах сердца» («Семистрельяно»)).

О. В. Шталзов

*На иконах
раскрывается*

Господь поруаема не бывает!

В частых поездках на Урал по работе, я не упускал возможности побывать в Верхотурском Свято-Никольском монастыре и приложиться к мощам Святого Праведного Симеона — Чудотворца Верхотурского.

Господь свет меня с богатым братом Игорем. В его поведении ощущалась какая-то неторопливость, аккуратность, большое уважение и любовь ко всем Святыням Храма. Это в нем привлекало и притягивало. Когда познакомились ближе, он рассказал о себе.

«Путь к Истинне был для меня мучителен и долг. Всклею к Истинне, а разобраться в хитросплетенных дорог и найти одну

зорвал я его оковы только с помощью Церкви. По совету мамы пошел в Церковь, получил спасение и теперь здесь для меня родной дом и все приложане и служители для меня родные. А искушения были и после покаяния. Както с друзьями поехали за город в лес. Я за рулем мотоцикла, один сиди меня и двое в коляске. Едем весело, скорость хорошая. И на повороте насыпана щебенка, нас понесло, мотоцикл неуправляем, мелькнула мысль: «Господи, пусть я один погибну. Они молодые, пусть живут, виноват я один». А перед Господом жертва за други своя бесценна (Иоан. 15, 13). И Господь пожалел нас. Упали мы, всех разбросало, а меня мотоциклом придувило. Лежу, зову ребят: «Живые есть?» Они бодро встанут, кричат: «Все благополучно!» Я потом свои живыми осмотер, все в дырках от щебенки, так тащило, как ширинелью пробило, а на ногах ни царапины не было. Бога призвал, и Господь в страшной аварии чудом нас спас. Я лежу и мысль: и что Бога

спасительную тропинку без опытного наставника в нашем атеистическом прошлом было тяжело. Одно время в доме даже появилась литература пагубная для души: оккультальные омыты по гипнозизму, магии, экстрасенсорике. В то смутное время перестройки такая литература мутным потоком хлынула на книжные прилавки (киосков). Идеи коммунизма развелись, и люди, особенно молодежь, искали новые ценности, новую веру. Многие тогда, как мотыльки, летели на болотный свет боссовской литературы, много душ сторело в этом огне. Когда я начался этой литературой, нахлебался этой полова, душа моя испытывала адские муки, уныние, страх. Враг все сильнее и сильнее стягивал на мне удавку. Ра-

надо было призывать? И так бы обошлось. И я помысел не отогнал. И что же? Начинают с меня снимать мотоцикл и ломают мне ключицу в трех местах. В страшной аварии ни царапины, а здесь в безобидной ситуации — сложной перелом. Вот от помощи Бога отказался, за спасение не поблагодарил Господа! Тут и задумаешься, тут и заплачешься. Господь поруаема не бывает! Уже потом за спасение молебен заказал и от Бога теперь ни в поступках, ни в мыслях не отойду».

С таким покаянием закончил свое повествование Игорь. И я поражен преобразованием начинающего экстрасенса в такого смиренного боголюбца.

«Дивны дела Твоя, Господи!»

Владимир Шербатых

Притча Ящерица

Был у меня такой случай. Встретились мы как-то с одним монастырским духовником. поприветствовали друг друга, сели и начали беседовать.

Вдруг я замечаю, что метрах в двух-трех под стеной стоит литровая банка с водой, и туда попала ящерица. Плавает, барахтается, хочет вылезти, но не может. Духовник начал серьезный разговор, а я слушаю его и смотрю на эту ящерицу. Думаю: «Продолжать слушать его или пойти выпустить ящерицу? Нет, жалко. Бедная, сколько она там уже барахтается!» Всканюваю и, ничего не говоря, бегу к этой ящерице. Конечно, надо было бы извиниться... Духов-

ник такие удивленные глаза сделал, смотрит: «Что это, мол, с ним такое случилось, что он всканювает и куда-то бежит?» Я беру банку, выливаю на газон воду,

ящерица выскакивает, и — прыг! — побежала.

Я смотрю на реактивно этого неромонаха. Что он подумал, конечно, не знаю. Наверное: «Большую на голову!» Вижу — нужно объяснить хоть потом. Подхожу, говорю: «Знаете, я посмотрел на эту ящерицу и вспомнил себя. Я ведь, фактически, такой же. Как пришлось замечать: когда попадет жук в стеклянную банку и сидит там тихоночко, то думаешь: "А!.. Он, наверно, уже сдох". И оставляешь без внимания. А когда этот жук барахтается, то думаешь: "Бедный, сколько он там уже

барахтается! Он же не вылезет из этой стеклянной банки сам". Вынимаешь его, выпускаешь на свободу, и он бежит. Так, думаю, и я пред Богом: если я сижу, ничего не делаю в своем нерадении, то я — всё равно как этот мёртвый жук. А если я хоть что-то делаю, то Господь по милосердию Своему — не по моим делам, а по Своему милосердию, потому что я — всё-таки барахтаюсь — пожалует и меня. Ведь если мне жалко жука, то, думаю, Господь пожалует и меня, и изымет меня из "рова страстей и брени тины"».

Когда я так сказал, вижу: неромонах изменился, обрадовался. И наша беседа пошла по-прежнему.

Из бесед с Кавказскими монахами

ПО ПИСЬМАМ

Обретение веры

Трудно в наш век великих научных достижений, развития электронной техники... говорить о вере в Бога. Многие считают, что надо иногда ходить в храм, ну пусть нравственные законы, необходимо духовное очищение, которое, правда, каждый понимает по-своему. В общем, соглашаются, что наравне с материальным нужно еще что-то духовное. Но материализованный ум человека боится касаться веры, веры глубокой и искренней, — это приводит отсталых от жизни степеней бабужин или каких-либо чудиков. Жажда хорошо устроиться в сей жизни, приобрести побольше богатства, чтобы не отозваться себе ни в чем и обещать себя на будущее, жажда заслужить уважение окружающих, иметь физическое окружение, наслаждения и утешения — все это увидит человека от жезлого Богообщения, от жезлой веры

Православной. И если не было бы крушения этих надежд и разочарований в сей жизни, не было бы скорбей и болезней, люди окончательно потеряли бы нужду в Боге, в спасении. Но неправильный путь никогда не приводит к жезловому счастью.

Во всех скорбях и болезнях многие метутся, прилагая всевозможные усилия поправить свое бедственное положение, исцелиться... Но исполняют все средства праведные и неправедные, многие находят отшельников разочарованных. Почему? Потому, что не того ищут и не так ищут. И слава Богу, что хоть некоторые, обратившись ко Господу за помощью в болезнях или какой-нибудь жезлительской скорби и получив ее, обретают веру, обретают новое понимание жезлы сей и будущей.

И как радостно читать такие письма, в которых люди рассказыва-

ют о благодати Божией, об исцелении. Но радостно больше за то, что кто-то через это исцеление обрел веру и надежду на Бога, радостно, что кто-то стал ходить в храм и молиться, начал осознавать духовные ценности, духовную жеззнь, потому что духовное здоровье обещает нам гораздо большее — вечное блаженство, а физическое — радость нескольких дней.

В письмах, публикуемых ниже, как раз и видна та радость обретения веры, обретения Бога.

Раба Божия Наталья из г. Калуги пишет: «В середине марта 1999 года, в воскресный день в храме я неожиданно для себя записалась на паломническую поездку в Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. И опять-таки неожиданно для всех членов нашей семьи у нашего папы на рентгеновском снимке обнаружили в легких опухолю. Это был сильный психологический удар по всем нам. Мой папа — человек неспешной, ведущий далекий от спешительного образа жизни, но эта новость буквально потрясла его, и он стал прислушиваться к моим разговорам о покаянии и спасении души. В святой Задонской обители в прошлую угодника Божьего помощь, моему папе. Осмыт

да крестик и икону свт. Тихона Задонского на его святых мошбах, возжа освещенное масло, кувина папе молитвослов, подала записки на обедню и молебен Великому Чудотворцу, заказала «Неусыпаемую Псалтырь» о его здравии и спасении.

По приезде домой все купленное для папы я передала ему. Во время пребывания в больнице он сам молился, шушал просфоры, пил воду, освещенную на молебне, привезенное мною масло. Через две недели его выписали из больницы. При беседе с врачом выяснилось, что мы сделали бронхоскопию и оксигенирование позвоночника, и на снимках уже не было обнаружено никаких признаков болезни. Папы рад, и мы вместе с ним.

Благодарим Господа и свт. Тихона Задонского за чудесное исцеление папы от страшной болезни.

Бывший десантник Виктор из г. Курска приехал весной 1997 года в святую Задонскую обитель специально для того, чтобы прославить Бога и рассказать людям о том, какую помощь в исцелении оказал ему Угодник Божий свт. Тихон Задонский. После демобилизации он, молодой парень, пристрастился к спиртным напиткам. Пил запоями, по несколько недель подряд, целых четыре года. Между пьянками молился, чтобы Господь исцелил его от этой страшной болезни и послал ему жену. Господь исполнил его просьбу, он женился, прекратил пить, но начал болеть. Болезнь голова и горло, нарушилась работа кишечника, появилась гипертония. В больнице, в которую он попал с ангиной после операции, он узнал, что его организм стал необычайно реагировать на различные медицинские препараты. После того, как он пополнил горло разбавленным водкой пеницилином, с ним случился шок. Целых два часа больной находился между жизнью и смертью. В другой раз его организм таким же образом отреагировал на укол гентамицина, и только молитва «Отче наш», которую он выучил, живя у своей бабушки, опять вернула его к жизни. Духовная безграмотность его самого и его дру-

зей толкнули несчастного Виктора в объятия сатаны. Он начал ходить сначала по колдуям — знахаркам, а затем купил и надел на руку как средство от всех болезней, порчи и глаза — медный браслет. Вразумление и наказание Господа последовало незамедлительно. Находясь в командировке на Севере, Виктор, одевая браслет, содрал кожу с руки. Началось затмение. С диагнозом — гангрена руки, и он снова попал в больницу. Сложилось очень сложная для него само-

и врачей ситуация. Антибиотики ему колоть было нельзя, так как у него начиналась кома. Руку все же прооперировали, а злоева краснота стала подниматься все выше и выше. И здесь уже отчаявшийся больной вспомнил о святом образе Тихона Задонского — фотографии, освещенной на его святых мошбах, которую в дорогу дал ему его мама. Всплыли в памяти и отсутственные ее слова: «Если заболел, приложи к больному месту и трижды попроси: «Отче Тихоне, исцели раба твоего грешного Виктора». Так он и сделал. Через восемь дней без какой-либо медицинской помощи, к изумлению всех врачей, чудесно исцелившийся Виктор вышел из больницы. Возвратившись домой, он решил вместе с женою приехать в Задонский мужской монастырь для

того, чтобы поблагодарить и прославить Бога за его чудесное исцеление по молитвам свт. Тихона Задонского. В святой обители они взяли и благословение на церковный брак. Перед отъездом молодые супруги с благоговением и любовью приложились к святым мошбах и с великой сердечной радостью поехали домой выполнять благословение.

И вновь в их семье произошло чудо. После венчания, на третий день свадьбы, в их доме икона «Всех святых» и свт. Тихона Задонского, от которого Виктор получил исцеление, замриоточили. После того, как пригласенный священник отслужил молебен пересвятыми образами, мриоточие повторилось.

Раба Божия Анна из г. Липецка пишет, что сын ее Сережа заболел в шестимесячном возрасте после прививки. Высокая температура, насморк и ужасный кашель сильно беспокоили его все 19 лет его жизни. Болела и сама Анна. Много средств было затрачено на их лечение, но результатов не было. Много обожли и бабок. Но на семнадцатой бабке, как пишет Анна, Господь остановил ее.

В 1995 году Анна приехала в Задонск, в монастырь. Искупалась в источнике свт. Тихона Задонского, присидывалась к мошбах и как могла искренне молилась, прося за себя и за сына.

Приехала домой «как вновь родившаяся». Рассказывала сыну, убеждалась его, возбудила в нем веру в Бога. Но только через год получившая у Сережи приехать в Задонскую обитель со своими друзьями. У него был тогда сильный кашель. Искупавшись в источнике (в шест октябрь, было холодно, Сережа приехал домой без кашля).

Так началась его вера, стал надеяться на Божью помощь, стал, хоть пока и нечасто, ходить в храм и причащаться Св. Тайн. А мать его Анна, утвердившись в вере, уже не оставляет храма, молвит, старясь вечески поддержать сына и укрепить его веру в Бога.

Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

